

I. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Информация для цитирования:

Кожокарь И. П. О правовых дефектах и правовой дефектологии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 42. С. 558–586. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-558-586.

Kozhokar I. P. O pravovykh defektakh I pravovoj defektologii [On Legal Defects and Legal Defectology]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2018. Issue 42. Pp. 558–586. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-558-586.

УДК 340.1

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-558-586

О ПРАВОВЫХ ДЕФЕКТАХ И ПРАВОВОЙ ДЕФЕКТОЛОГИИ

И. П. Кожокарь

Кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник

Институт государства и права РАН
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

ORCID: 0000-0002-5186-5413

ResearcherID: S-4500-2018

E-mail: 89272234877@mail.ru

Поступила в редакцию 19.04.2018

Введение: статья посвящена дефектам нормативной части механизма правового регулирования как недостаткам нормативно-правовой материи. Стремление к высокому качеству правовых норм и нормативно-правовых актов является обязательным условием эффективности права и главным требованием к правотворческой работе. Порождая правовую неопределенность и являясь благодатной почвой для возникновения множества негативных правовых явлений, нормативные дефекты должны стать самостоятельным предметом изучения нового научного направления правовой дефектологии. **Цель:** сформулировать понятие дефекта нормативно-правового регулирования с учетом сложности самого правового явления дефектности и его взаимосвязи с множеством других правовых категорий, а также обосновать важность его самостоятельного исследования в рамках теории права. **Методы:** использован общенаучный диалектический подход к познанию правовых дефектов, позволивший рассмотреть это явление в становлении и развитии, а также во взаимосвязи со смежными явлениями; методы формальной логики; частнонаучные методы изучения правовой действительности (формально-догматический, герменевтический, метод правового моделирования). **Результаты:** понимание дефектов нормативно-правового регулирования находится в диалектическом единстве с понятиями «качество права» и «эффективность права». Нормативно-правовой недостаток может быть признан дефектом тогда, когда он нарушает стандарт качества права и негативно сказывается на результативности правового регулятора. **Выводы:** на эффективность действия права влияют как неюридические факторы (политические, организационные, финансовые, социальные, психологические, идеологические), так и некоторые смежные с дефектами иные правовые недостатки (ограничения, препятствия, административные барьеры, законодательный дисбаланс, нейтрализация права). Нормативно-правовые дефекты, взаимно обуславливаясь и взаимодействуя

© Кожокарь И. П., 2018

I. THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Information for citation:

Kozhokar I. P. O pravovykh defektakh I pravovoj defektologii [On Legal Defects and Legal Defectology]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2018. Issue 42. Pp. 558–586. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-558-586.

UDC 340.1

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-558-586

ON LEGAL DEFECTS AND LEGAL DEFECTOLOGY

I. P. Kozhokar

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenska st., Moscow, 119019, Russia

ORCID: 0000-0002-5186-5413

ResearcherID: S-4500-2018

E-mail: 89272234877@mail.ru

Received 01.04.2018

Introduction: this paper deals with defects in the regulatory part of the legal regulation mechanism as deficiencies in regulatory and legal matter. Commitment to high quality of legal norms and regulatory acts is a prerequisite for the effectiveness of law and the main requirement to lawmaking. Creating legal uncertainty and being a fertile field for the emergence of many negative legal phenomena, regulatory defects should become an independent subject matter of a new scientific area of legal defectology. **Purpose:** to formulate the concept 'regulatory legal defect' taking into account the complexity of defectiveness as a legal phenomenon and its relationship with many other legal categories; to justify the importance of its independent research within the theory of law. **Methods:** the research is based on the general scientific dialectic approach to cognition of legal defects, which allows for considering this phenomenon in its formation and development as well as in conjunction with related phenomena; other methods applied in course of research include methods of formal logic and specific scientific methods of studying legal reality (formal dogmatic, hermeneutical approach, legal modeling). **Results:** understanding of regulatory legal defects is in dialectical unity with the concepts 'quality of law' and 'effectiveness of law'. A regulatory legal flaw can be recognized as a defect when it violates the quality standard of law and adversely affects the performance of a legal regulator. **Conclusions:** the effectiveness of law is influenced by both non-legal factors (political, managerial, financial, social, psychological, ideological) and some legal deficiencies related to defects (restrictions, obstacles, administrative barriers, legislative imbalance, neutralization of law). Regulatory legal defects, mutually determined and interacting with other legal flaws, have their own content and their own conceptual line, reflecting certain shortcomings of the content, form and structure of legal rules and regulatory legal acts.

Keywords: legal defects; regulatory legal flaw; quality of law; effectiveness of law; legal defectology; legal obstacles; legal restrictions; administrative barriers; legislative imbalance; neutralization of law

© Kozhokar I. P., 2018

с другими правовыми недостатками, имеют собственное содержание и свой понятийный ряд, отражающие отдельные недостатки содержания, формы и структуры правовых норм и нормативных правовых актов.

Ключевые слова: правовые дефекты; дефект нормативно-правового регулирования; качество право; эффективность права; правовая дефектология; юридические препятствия; правовые ограничения; административные барьеры; законодательный дисбаланс; нейтрализация права

ON LEGAL DEFECTS AND LEGAL DEFECTOLOGY

I. P. Kozhokar

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka st., Moscow, 119019, Russia

ORCID: 0000-0002-5186-5413

ResearcherID: S-4500-2018

E-mail: 89272234877@mail.ru

Received 01.04.2018

Introduction: this paper deals with defects in the regulatory part of the legal regulation mechanism as deficiencies in regulatory and legal matter. Commitment to high quality of legal norms and regulatory acts is a prerequisite for the effectiveness of law and the main requirement to lawmaking. Creating legal uncertainty and being a fertile field for the emergence of many negative legal phenomena, regulatory defects should become an independent subject matter of a new scientific area of legal defectology. **Purpose:** to formulate the concept 'regulatory legal defect' taking into account the complexity of defectiveness as a legal phenomenon and its relationship with many other legal categories; to justify the importance of its independent research within the theory of law. **Methods:** the research is based on the general scientific dialectic approach to cognition of legal defects, which allows for considering this phenomenon in its formation and development as well as in conjunction with related phenomena; other methods applied in course of research include methods of formal logic and specific scientific methods of studying legal reality (formal dogmatic, hermeneutical approach, legal modeling). **Results:** understanding of regulatory legal defects is in dialectical unity with the concepts 'quality of law' and 'effectiveness of law'. A regulatory legal flaw can be recognized as a defect when it violates the quality standard of law and adversely affects the performance of a legal regulator. **Conclusions:** the effectiveness of law is influenced by both non-legal factors (political, managerial, financial, social, psychological, ideological) and some legal deficiencies related to defects (restrictions, obstacles, administrative barriers, legislative imbalance, neutralization of law). Regulatory legal defects, mutually determined and interacting with other legal flaws, have their own content and their own conceptual line, reflecting certain shortcomings of the content, form and structure of legal rules and regulatory legal acts.

Keywords: legal defects; regulatory legal flaw; quality of law; effectiveness of law; legal defectology; legal obstacles; legal restrictions; administrative barriers; legislative imbalance; neutralization of law

Введение

Термин «дефект» в правовой литературе используется в различных словосочетаниях: дефекты права, дефекты в праве, правовые (юридические) дефекты, дефекты системы права, дефекты законодательства, дефекты правотворчества, дефекты норм права, дефекты нормативно-правовых актов, дефекты закона, дефекты правового регулирования, дефекты

судебных актов, дефекты юридических документов, дефекты юридических фактов, дефекты правового сознания, дефекты правовой идеологии, дефекты правовой социализации и др. Кроме того, во многих правовых научных источниках встречаются синонимичные по отношению к «дефекту» термины: «недостатки», «недочеты», «изъяны», «несовершенства права, закона, законодательства» и т. п.

Information in Russian

О ПРАВОВЫХ ДЕФЕКТАХ И ПРАВОВОЙ ДЕФЕКТОЛОГИИ

И. П. Кожокар

Кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник

Институт государства и права РАН
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

ORCID: 0000-0002-5186-5413

ResearcherID: S-4500-2018

E-mail: 89272234877@mail.ru

Поступила в редакцию 19.04.2018

Введение: статья посвящена дефектам нормативной части механизма правового регулирования как недостаткам нормативно-правовой материи. Стремление к высокому качеству правовых норм и нормативно-правовых актов является обязательным условием эффективности права и главным требованием к правотворческой работе. Порождая правовую неопределенность и являясь благодатной почвой для возникновения множества негативных правовых явлений, нормативные дефекты должны стать самостоятельным предметом изучения нового научного направления правовой дефектологии. **Цель:** сформулировать понятие дефекта нормативно-правового регулирования с учетом сложности самого правового явления дефектности и его взаимосвязи с множеством других правовых категорий, а также обосновать важность его самостоятельного и следования в рамках теории права. **Методы:** использован общенаучный диалектический подход к познанию правовых дефектов, позволивший рассмотреть это явление в становлении и развитии, а также во взаимосвязи со смежными явлениями; методы формальной логики; частнонаучные методы изучения правовой действительности (формально-догматический, герменевтический, метод правового моделирования). **Результаты:** понимание дефектов нормативно-правового регулирования находится в диалектическом единстве с понятиями «качество права» и «эффективность права». Нормативно-правовой недостаток может быть признан дефектом тогда, когда он нарушает стандарт качества права и негативно сказывается на результативности правового регулятора. **Выводы:** на эффективность действия права влияют как неюридические факторы (политические, организационные, финансовые, социальные, психологические, идеологические), так и некоторые смежные с дефектами иные правовые недостатки (ограничения, препятствия, административные барьеры, законодательный дисбаланс, нейтрализация права). Нормативно-правовые дефекты, взаимно обуславливаясь и взаимодействуя с другими правовыми недостатками, имеют собственное содержание и свой понятийный ряд, отражающие отдельные недостатки содержания, формы и структуры правовых норм и нормативных правовых актов.

Ключевые слова: правовые дефекты; дефект нормативно-правового регулирования; качество право; эффективность права; правовая дефектология; юридические препятствия; правовые ограничения; административные барьеры; законодательный дисбаланс; нейтрализация права

Introduction

The term "defect" in legal literature is used in various phrases: defects of law, defects in law, legal defects, defects in the system of law, defects in legislation, defects in law-making, defects in legal rules, defects in legal acts, defects in law regula-

tion, defects in judicial acts, defects in legal documents, defects in legal facts, defects in legal awareness, defects in legal ideology, defects in legal socialization, etc. Additionally, in many legal scientific sources, the term "defect" has a number of synonyms: flaws, omissions, drawbacks, imperfections of law or legislation, etc.

Глубокие отраслевые исследования правовых дефектов ставят вопрос о необходимости подведения этих исследований к «единому знаменателю» – формированию единого теоретико-правового учения о дефектах и обоснованию существования самостоятельного раздела теории права – правовой дефектологии. Совершенно верно отмечается, что, «несмотря на то что практически каждый ученый-правовед обращается в том или ином масштабе к научной тематике правовой дефектологии, в юриспруденции не только отсутствует единство взглядов относительно наименования категории “дефект в праве”, но и не выработана единая концепция понимания ее юридического наполнения» [87, с. 19].

Большие сложности в определении правовых дефектов как предмета познания правовой дефектологии создают не только поиск и формулировка его признаков, но и отсутствие строгого соотношения «дефекта» с иными смежными теоретико-правовыми категориями. В частности, нередко дефект характеризуют в одном категориально-понятийном ряду с юридическими препятствиями, дисбалансом (разбалансировкой) законодательства, нейтрализацией права и иными явлениями, негативно влияющими на эффективность правового регулирования.

Формирование теоретического представления о понятии, признаках и месте правовых дефектов в понятийной системе теории права должно стать первым шагом в разработке правовой дефектологии как научного направления.

Доктринальные подходы к дефинированию понятия дефекта

Содержание понятия «правовой дефект» отличается большим доктринальным разнообразием. Чаще всего в специальной литературе о правовых дефектах пишут в узком и широком подходах. Сторонники широкого подхода к дефектам пытаются охватить этим термином любые недочеты всех правовых явлений. Например, М. Д. Хайретдинова под дефектами «в общем виде» понимает «все негативные (отрицательные) аспекты бытия исследуемого предмета» [84, с. 8].

Представители узкого подхода, как правило, тяготеют к рассмотрению дефектов нормативной части правовой системы общества.

Но есть и более оригинальные подходы. Так, С. И. Цыбуляк, проанализировав дефекты

конституционно-правового регулирования избирательных отношений, полагает, что в широкой интерпретации дефект в праве представляет собой некоторое состояние юридических норм, которое допускает в ходе их применения на практике нарушение оптимального баланса интересов государства и (или) общества. Однако, как полагает сам автор, более продуктивным в научном плане является узкое понимание рассматриваемой категории, согласно которому правовой дефект есть низкое качество правового регулирования, затрудняющее применение соответствующих юридических норм, порождающее негативные политические и социально-экономические явления, нарушающее личные, общественные и государственные интересы [89, с. 8–9].

Очевидно, что в таком широком понимании дефектов правового регулирования скрыта определенная трудность, связанная с поиском этого оптимального баланса интересов, упомянутого автором. Однако и определение в узком смысле имеет некоторые недочеты. Так, аморфным представляется указание в дефиниции на низкое качество правового регулирования. Низкое, высокое, среднее – эти показатели не имеют четких границ. Кроме того, некоторые дефекты в механизме правового регулирования имеют настолько существенный характер, что и вовсе сводят на нет регулятивный эффект права, а порой имеют только отрицательный эффект. На наш взгляд, признак «низкое качество» не позволяет до конца раскрыть суть феномена дефекта в правовом регулировании, им трудно оперировать в ходе решения вопроса о том, что признавать дефектом, а что – нет.

При изучении юридических дефектов следует учитывать многообразие и разнородность правовых явлений. Безусловно, теоретически возможно объединить все правовые несовершенства категорией правового дефекта. Однако, на наш взгляд, это малопродуктивно, прежде всего потому, что различная природа правовых явлений обуславливает различную природу и причины их несовершенств и, самое главное, различные пути профилактики и борьбы с ними. Например, механизм противодействия дефектам юридических фактов [51] принципиально отличается от преодоления дефектов правовых норм. Причины появления дефектов

Deep branch studies of legal defects raise the question of the need to bring these studies to a “common denominator”, that is the need to develop a single unified theoretical and legal doctrine on the defects and to justify the existence of an independent branch of legal theory – legal defectology. It is quite rightly noted that “despite the fact that practically every legal scholar addresses, in this or that scope, to scientific topics of legal defectology, what legal studies lack is not only unity of views on how to name the category of “defect” in law but also a single concept of understanding its legal content is not yet developed” [87, p. 19].

Great difficulties in defining legal defects as a subject matter of legal defectology are caused not only by the search and formulation of its features, but also by the absence of a strict correlation of the “defect” with other related theoretical and legal categories. In particular, the defect is often characterized in one categorical and conceptual line with legal obstacles, imbalance (lack of balance) of legislation, neutralization of law and other phenomena that adversely affect the effectiveness of legal regulation.

Formation of theoretical understanding of the concept, features and place of legal defects in the conceptual system of the law theory should be the first steps in development of legal defectology as a research area.

Doctrinal Approaches to Defining “Defect”

The content of the “legal defect” concept is distinguished by a wide doctrinal variety. Most often, special literature on legal defects deals with narrow and broad approaches. Proponents of the broad approach to defects try to cover with this term any flaws of all legal phenomena. For example, M.D. Khayretdinova understands defects “in a general form” as “all the negative (adverse) aspects of being of the subject matter” [84, p. 8].

Proponents of the narrow approach, as a rule, are inclined to look at the defects in regulatory part of the society legal system.

However, there are more unconventional approaches. For example, S.I. Tsybuliak, analyzing

the defects of the constitutional and legal regulation of electoral relations, supposes that, in a broad interpretation, a defect in law is a certain state of legal rules which in the course of their use in practice allows for violating the optimal balance of the state and (or) society interests. At the same time, as the author believes, the more scientifically productive is the narrow understanding of the discussed category where a legal defect is a low quality of legal regulation, which makes it difficult to apply relevant legal rules, generating negative political and socio-economic phenomena, and violating personal, public and state interests [89, pp. 8–9].

Obviously, such a broad understanding of the legal regulation defects hides a certain difficulty associated with seeking this optimal balance of interests mentioned by the author. However, the narrow approach to definition has some flaws. For example, indication in the definition of low quality of legal regulation seems amorphous. Low, high, medium – all these characteristics have no distinct boundaries. In addition, some defects in the mechanism of legal regulation are so significant that they completely nullify the regulatory effect of law and sometimes have only an adverse effect. In our opinion, such characteristic as “low quality” does not allow one to fully uncover the essence of the phenomenon of defect in legal regulation, it is hardly applicable in addressing the issue what can be recognized a defect and what cannot.

In the study of legal defects, the diversity and heterogeneity of legal phenomena should be considered. Certainly, it is theoretically possible to combine all the legal imperfections within the category of legal defect. However, in our opinion, this is unproductive, primarily because the different nature of legal phenomena determines different nature and reasons for their imperfections and, what is most important, the different ways of preventing and eliminating them. For example, the mechanism for countering defects of legal facts [51] is fundamentally different from overcoming defects in legal rules. The causes of defects

в судебных актах¹ отличаются от причин дефектов актов нормативных, что предопределяет различные способы и последствия их устранения. Так же, как дефект процедуры принятия юридического акта [4, с. 12–14; 5, с. 81–92] отличается от дефекта текста самого акта. Дефект гражданско-правового договора как юридического документа [72] не тождествен дефекту гражданско-правового закона. Дефект правосознания не находится в одном ряду с коллизиями или пробелами в системе правовых норм. Следует заметить также, что дефект юридического факта (или состава) выражается в дефекте фактических обстоятельств, в их противоречии существующей нормативной модели, но и сама нормативная модель юридического факта может быть дефектной [8, с. 7–13].

Опасность чрезмерно широкого подхода таится и в том, что понимание дефекта как любого недостатка любого правового явления и отношения, урегулированного правом, приводит к тому, что дефектом охватываются любые отступления от требований норм права: от случайных ошибок и юридических проступков до гражданско-правовых деликтов и тяжких преступлений. При таком подходе каждое нарушение нормативных требований приводит к квалификации его в качестве ошибки, что не представляет ни научной ценности, ни нужности, поскольку для большинства правовых отступлений уже существуют научные объяснения и теории (юридической ответственности, деликтозного права, недействительности сделок и др.). Например, на наш взгляд, необоснованно квалифицировать подписание договора неуполномоченным лицом в качестве именно *дефекта* сделки [69, с. 145–151]. Это обстоятельство является условием недействительности сделки по соответствующему основанию, предусмотренному законом.

Однако в концептуально-методологическом плане можно ставить вопрос о дефекте в механизме правового регулирования [44, с. 298–303], чтобы показать динамику, «развертыва-

ние», диалектику правового дефекта, например, от стадии правотворчества до правоприменения. Именно в таком смысле под дефектами в праве понимаются «недостатки юридической формы и содержания действующего права, нормативных правовых актов и иных юридических документов, юридических фактов и правоотношений, препятствующих реализации и применению норм права, а также достижению целей правового регулирования» [73, с. 36–39].

При этом необходимо учитывать, что само правовое регулирование может различаться не только по стадиям, но и по элементам (норма права – правоотношение – юридические факты – акты правореализации), и по субъектам (индивидуальное и коллективное), и по типу (императивное и диспозитивное).

В то же время дефект разных сторон правового регулирования в отдельности характеризуется наличием в нем различного по степени проявления и сфере распространения негативного эффекта. Усилия ученых-юристов должны быть сконцентрированы на наиболее значимых дефектах в праве. К их числу следует отнести нормативные изъяны, существенно влияющие на качество законов и эффективность механизма правового регулирования в целом.

Подчеркнем, что большинство исследователей дефектов в праве склоняются к пониманию дефектов в узком смысле, изучая дефектность какого-либо одного правового явления, чаще всего правовых норм и их системы.

Так, О. Е. Кутафин под дефектами в конституционном праве понимал те или иные недостатки конституционно-правовых норм [48, с. 610–622], очевидно тяготея к узкому их пониманию. Н. И. Хлуденева, исследуя дефекты экологического права, сделала вывод, что в узком понимании – это «несовершенства (недостатки) эколого-правовых норм» [86, с. 90].

М. А. Жильцов, изучая дефекты трудового права, писал, что дефекты – это «недостатки, противоречия, несовершенства трудово-правовых норм и трудово-правовых конструкций, которые приводят к проблемам правоприменения, нарушению трудовых прав и законных интересов субъектов трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений» [30, с. 57]. Поскольку М. А. Жильцов – один из известных специалистов в области отраслевой правовой

¹ См., например: определение Верховного Суда РФ от 25 окт. 2016 г. по делу № 307-ЭС15-20130, А56-33986/2013: «Исправление допущенных в судебном акте опечаток, опечаток направлено на устранение случайных, очевидных, не требующих пересмотра судебного акта дефектов, имеющих в его тексте, которые, в силу части 3 статьи 179 АПК РФ, не приводят к изменению существа принятого судебного акта».

in judicial acts¹ are different from those in regulatory acts, which predetermines various methods and consequences of their elimination. The same way as the defect in the procedure for the adoption of a legal act [4, pp. 12-14; 5, pp. 81–92] differs from the defect of the text of the act itself. A defect of a civil contract as a legal document [72] is not identical to a defect in civil law. A defect of legal awareness is not in the same row with collisions or gaps in the system of legal rules. It should also be noted that a defect of a legal fact (or set of facts) is expressed in a defect of factual background, its contradiction with the existing regulatory model, however the regulatory model of a legal fact itself may be defective [8, pp. 7–13].

The danger of an extremely broad approach lies in the fact that understanding of a defect as any deficiency in any legal phenomenon and relationship settled by law leads to a situation when the defect covers any deviation from the requirements of the law: from accidental mistakes and legal offense to civil torts and grave crimes. Under such approach, each violation of regulatory requirements leads to qualifying it as an error, which is of no scientific value or necessity, since for most legal deviations scientific explanations and theories (legal liability, tort law, invalidity of transactions, etc.) already exist. For example, in our opinion, it is unreasonable to qualify signing of contract by an unauthorized person as the *defect* of transaction [69, pp. 145-151]. This circumstance is a condition for invalidity of transaction on the appropriate basis provided by law.

However, in conceptual and methodological terms, one can raise the issue of a defect in the mechanism of legal regulation [44, pp. 298–303] to show the dynamics, “deployment”, dialectic of a legal defect, for example, from the lawmaking

¹ See, for example: Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.10.2016 in case No. 307-ES15-20130, А56-33986 / 2013: “The correction of misplaces and misprints in a judicial act is aimed at eliminating random, obvious, not requiring any revision of the judicial act defects that are present in its text, which, by virtue of Part 3 of Article 179 of the APC of the RF, do not lead to any change in the essence of the adopted judicial act.”

phase to law enforcement. Right in this meaning, defects in law are understood as “deficiencies in the legal form and content of existing law, regulatory legal acts and other legal documents, legal facts and legal relations that impede implementation and application of legal rules and achievement of legal regulation objectives” [73, pp. 36–39].

One should bear in mind that the legal regulation itself may differ not only by phases, but also by elements (legal proposition – legal relationship – legal facts – acts of law enforcement), subjects (individual and collective) and type (imperative and optional).

At the same time, the defect of different sides of legal regulation separately is characterized by presence of a negative effect of varying degrees of manifestation and area of distribution. The efforts of legal scholars should be focused on the most significant defects in law. These include regulatory flaws that significantly affect the quality of laws and the effectiveness of the legal regulatory mechanism in general.

It should be emphasized that the majority of researchers of defects in law tend to understand defects in its narrow meaning through studying the defectiveness of one legal phenomenon, most often legal rules and their systems.

For example, O. E. Kutafin understood the defects of constitutional law as certain deficiencies of constitutional legal rules [48, pp. 610–622], apparently, focusing on a narrow understanding of them. N. I. Khludeneva studying the defects of environmental law concluded that in the narrow meaning these are “imperfections (flaws) of environmental law” [86, p. 90].

M.A. Zhiltsov, studying the defects of labor law, wrote that defects are “flaws, contradictions, imperfections of labor law legal rules and labor legal structures that lead to law enforcement problems, violation of labor rights and legal interests of labor subjects and other directly related relations” [30, p. 57]. Since M. A. Zhiltsov is one of the well-known experts in the field of branch legal

дефектологии, проанализируем его определение подробнее.

Прежде всего необходимо определиться с родовым признаком дефекта. С учетом общенаучного значения понятия «дефект» в качестве такого признака следует выбрать термин «недостаток». Этот термин, во-первых, охватывает все разновидности дефектов (противоречия, неопределенности, пробелы и др.), а во-вторых, является наиболее часто используемым в юриспруденции из своего синонимичного ряда (несовершенство, изъян, отклонение, недочет и др.).

Кроме того, заслуга М. А. Жильцова в научном познании правовых дефектов заключается в том, что он ввел их «целевой» признак – направленность на нарушение прав и законных интересов граждан, порождение правоприменительных проблем. Действительно, не любой недостаток правовых норм приводит к таким последствиям.

Например, российскому законодательству, к сожалению, известны многочисленные лингвистические ошибки (грамматические, пунктуационные, стилистические), но не все из них приводят к нарушению прав или интересов граждан. Так, в ч. 7 ст. 7 ФЗ «О свободном порте Владивосток»² указано: «Заседание наблюдательного совета свободного порта Владивосток проводит его председатель, а в случае его отсутствия заместитель председателя наблюдательного совета свободного порта Владивосток». В выделенном фрагменте отсутствует необходимый знак препинания – «тире». Безусловно, подобные нарушения норм русского языка не красят нормативный акт, однако права, свободы и интересы субъектов права не нарушают. Подобные дефекты предотвращаются лингвистическим сопровождением законопроектной работы [98]. Так же, как «информационная избыточность» [9, с. 48–57; 47]³ нормативного акта, хотя и затрудняет его восприятие, но ничьих прав не нарушает.

Но ограничивать негативное влияние правовых дефектов сферой нарушения прав человека также не вполне обоснованно. Дефекты норм права в целом препятствуют эффективно-

му правовому регулированию общественных отношений.

Эта характеристика правовых дефектов представляется крайне важной: любой недостаток нормы права (нормативного акта), снижающий эффективность правового регулирования или в целом препятствующий правовому регулированию, должен квалифицироваться как правовой дефект. Поэтому считаем нецелесообразным с концептуальной точки зрения выносить за границы понятия дефекта, например, пробелы в праве, коллизии в праве и др. [46, с. 22–28; 67, с. 66].

Здесь следует заметить, что признак негативного результата правового дефекта не должен определяться слишком абстрактно. В частности, М. С. Матейкович пишет, что «дефект в праве есть такое состояние правовых норм, при котором регулирование общественных отношений нарушает оптимальный баланс интересов общества и государства» [50, с. 15]. Развивает это понятие Е. И. Кисличенко, которая полагает, что дефект законодательства нарушает баланс интересов государства, общества и граждан, ущемляет общественные и частные интересы и права, порождает негативные явления в сфере политики, экономики и в социальных отношениях [42, с. 7]. Проблема подобных определений дефектов в том, что вызывать нарушения общественного баланса и прочие негативные явления могут и такие недостатки, которые не являются правовыми дефектами. Например, существуют организационные, финансовые проблемы сопровождения действия нормативного акта, приводящие к негативным последствиям и нарушениям прав граждан, но такие недочеты не делают дефектным сам акт.

Важно также обратить внимание на то, что нормативные правовые дефекты должны охватывать не только нормы права, но и нормативно-правовые акты: и те и другие относятся к нормативной части правового механизма, однако их дефектность не тождественна. Не вполне обоснованно определять нормативные правовые дефекты как «недостатки законодательства» [70, с. 10–13] по причине не только отсутствия единообразного понимания термина «законодательство» (в узком и широком смыслах, в разных отраслях права), но и игнорирования при таком подходе недостатков самих прав о-

defectology, we will analyze his definition in a more detailed way.

First of all, it is necessary to determine the generic attribute of defect. Taking into account the general scientific meaning of the term “defect” the term “flaw” should be chosen as such an attribute. This term, primarily, covers all types of defects (contradictions, uncertainties, gaps, etc.), and secondly, is the most frequently used in legal studies among its synonyms (imperfection, shortcoming, deviation, omission, etc.).

Additionally, the achievement of M.A. Zhiltsov in scientific knowledge of legal defects is that he introduced their “target” attribute that is the focus on violation of rights and legitimate interests of citizens, initiation of law-enforcement problems. Indeed, not every shortcoming of legal regulation leads to such consequences.

For example, Russian legislation, unfortunately, knows numerous linguistic errors (grammatical, punctuation, stylistic) though not all of them lead to infringement of rights or interests of citizens. Part 7 of Article 7 of the Federal Law “On the Free Port of Vladivostok”² states: “The meeting of the Supervisory Board of the Free Port of Vladivostok is chaired by its Chairman, and in his absence by the Deputy Chairman of the Supervisory Board of the Free Port of Vladivostok.” In the selected fragment (in its Russian-language version), a “dash” as an obligatory punctuation mark is missing. Of course, such infringement of the Russian language rules does not make it well to a regulatory act, however civil rights, liberties and public interests of subjects of law are not violated. Such defects are prevented by linguistic support of law-drafting activities [98]. The same way as “information redundancy” [9, pp. 48–57; 47]³ of a regulatory act, though complicating its comprehension, does not violate anyone’s rights.

However, it is also not quite justified to limit the adverse impact of legal defects to the area of

the human right violation. Defects of legal rules in general hinder the effective legal regulation of social relations.

This characteristic of legal defects is extremely important: any deficiency in the legal rule (legal act), which reduces the effectiveness of legal regulation or generally interferes with legal regulation must be qualified as a legal defect. Therefore, we consider it inappropriate from a conceptual point of view to bring the concepts of a defect out of bounds, for example, gaps in law, collisions in law, etc. [46, pp. 22-28; 67, p. 66].

It should be noted here that the sign of an adverse result of legal defect can not be defined in a too abstract way. In particular, M.S. Matejkovic states that “a defect in law is such a condition of law when regulation of social relations violates the optimal balance of interests of society and state” [50, p. 15]. E.I. Kislichenko, who believes that a legislation defect violates the balance of interests of the state, society and citizens, impairs public and private interests and rights, causes negative phenomena in politics, economy and social relations, develops this concept [42, p. 7]. The problem with such definitions of defects is that disruptions in social balance and other adverse phenomena may be caused by such deficiencies that are not legal defects. For example, there are organizational, financial problems in providing support for a regulatory act operation, leading to adverse consequences and violations of the rights of citizens, but such defects do not make the act itself defective.

It is also important to note that regulatory legal defects must cover not only the legal rules but also regulatory legal acts: both belong to regulatory part of legal mechanism, however, their defects are not identical. It is not quite reasonable to define regulatory legal defects as “flaws in law” [70, pp. 10–13] due to the lack of common understanding of the term “legislation” (both in narrow and broad meanings in different branches of law)

² О свободном порте Владивосток: Федер. закон от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ (ред. от 03.07.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29, ч. 1, ст. 4338.

³ Термин введен Ю. В. Кудрявцевым.

² Federal Law No. 212-FZ “On the Free Port of Vladivostok” of July 13, 2015 (as amended on July 03, 2017). *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2015. No. 29. Part 1. Art. 4338.

³ The term was introduced by Y. K. Kudryavtsev.

вых норм, поскольку законодательство – это совокупность нормативно-правовых актов.

При этом нормативные дефекты в праве не должны быть ограничены недостатками статичных норм и актов. Их дефектность проявляется в динамике, во взаимосвязях и взаимодействиях, что с необходимостью влечет постановку вопроса о дефектах в системно-правовом контексте.

Большой вклад в понимание дефектов внес Н. А. Власенко, который одним из первых начал разработку этого понятия в теории права. Под дефектами *системы права* он понимал нарушения, деформации логико-структурного построения и развития системы права, включая и ее форму в виде нормативных актов. Н. А. Власенко обосновал выделение следующих их видов: антиномии (противоречия) в праве; излишнее дублирование нормативно-правовых предписаний; пробелы в праве; нерациональная расположенность норм; дефекты юридических конструкций и др. [19, с. 22].

Конкретные правовые нормы могут быть качественными по содержанию и внешней форме, однако их дефектность, например коллизия, дублирование и др. недостатки, проявляются только в процессе взаимодействия.

Так, в законопроекте «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» ст. 1 устанавливает, что «закон регулирует отношения по привлечению инвестиций *юридическими* лицами или индивидуальными предпринимателями посредством инвестиционных платформ, а также определяет правовые основы деятельности операторов инвестиционных платформ по организации привлечения инвестиций от участников инвестиционных платформ», а ст. 2 определяет организаторов инвестиционных платформ как «*коммерческих* юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Оба эти правовоположения в статике безупречны, однако при их системном взаимодействии обнаруживается очевидное несоответствие содержания. Многие нормативные правовые дефекты могут иметь место только на уровне внутриотраслевых и межотраслевых связей правовых норм и нормативных актов.

Для снятия этого противоречия в определении дефектов в праве необходимо обратиться

к основополагающим категориям диалектики и философии в целом: содержание, форма, структура, связи.

Содержание нормативно-правового регулирования представляет собой всю совокупность составных элементов, а форма имеет внешнюю и внутреннюю стороны. Внутренняя сторона формы – это структура нормы права и нормативно-правового акта. Внешняя форма отвечает за внешнее оформление содержания вещи. Например, такой нормативный дефект, как излишнее дублирование, приводит к увеличению объема (часть внешней формы) акта. Необоснованное увеличение объемов нормативно-правового массива в целом, не позволяющих не только разобраться, но даже прочитать тексты официально публикуемых актов, свидетельствует о дефектах нормативной формы.

Однако с философских позиций содержание и форма являются абстракциями, которые существуют только в единстве и взаимодействии. Набор разрозненных элементов – еще не содержание, элементы должны определенным образом организоваться и вступить в необходимые взаимосвязи, за что ответственна такая философская категория, как структура. Структура, как внутренняя форма явления, позволяет элементам содержания связываться между собой и в определенном порядке взаимодействовать. Недостатки могут поражать как содержание и внешнюю форму, так и структуру (связи) нормативно-правовых явлений.

Специфические признаки правовых дефектов

Анализ изложенных доктринальных представлений к понятию правовых дефектов позволяет систематизировать их специфические признаки.

Родовым признаком нормотворческих дефектов является понятие *недостаток* как отклонение от должного. Дефект – противоположность норме, нормальности. Норма – это стандарт, эталон, который принимается за исходно-обязательный для сравнения с ним однородных явлений и предметов. Выявление правового дефекта возможно только при известности эталонной модели, с которой будет происходить его сопоставление. На наш взгляд, в правоведении должен быть поставлен вопрос о разработке нормативно-правового стандарта

as well as due to neglecting the flaws of legal rules themselves in this approach, since legislation is a combination of legal acts.

At the same time, regulatory defects in law should not be limited by the drawbacks of static rules and acts. Their defectiveness manifests itself in dynamics, in relations and interactions which inherently entails the issue of defects in a systematic legal context.

N.A. Vlasenko, who was one of the first to start developing this concept in the theory of law, made a great contribution to understanding of defects. Under defects of *legal system*, he understands infringements, deformations of the logical and structural organization and development of the legal system, including also its representation in the form of regulatory acts. N.A. Vlasenko substantiated allocation of the following types: antinomies (contradictions) in law; excessive duplication of legal regulations; gaps in law; irrational location of rules; defects of legal structures, etc. [19, p. 22].

Specific legal rules may be qualitative in content and appearance, however, their defectiveness, for example, collisionability, duplication, and other shortcomings can be manifested only in the process of interaction.

For example, Article 1 of the draft law “On Attracting Investments Using Investment Platforms” establishes that “the law regulates relations on attracting investments by *legal entities* or individual entrepreneurs through investment platforms, and also defines the legal basis for the activity of investment platforms operators on arrangement of attracting investments from participants of investment platforms”. And Article 2 defines the providers of investment platforms as “*commercial* legal entities and individual entrepreneurs”. Both statutory provisions in statics are impeccable, however their systemic interaction reveals obvious inconsistency in content. Many regulatory legal defects may occur only at the level of intra-industry and cross-industry relations of legal rules and regulations.

In order to eliminate this inconsistency in definition of defects in law, it is necessary to appeal

to the fundamental categories of dialectics and philosophy in general: content, form, structure, relations.

The content of statutory regulation is the entire set of components, and the form has an external and internal side. The internal side of the form is the structure of a legal rule and of a regulatory legal act. The external form is responsible for the “external design” of the content of thing. For example, such a regulatory defect as excessive duplication leads to an increase in the volume (part of the external form) of the act. Unreasonable increase in the volume of regulatory body in general, which does not allow one to understand, let alone read, texts of officially published acts, testifies to defects in the regulatory form.

However, from philosophical position, both content and form are the two abstractions that exist only in unity and interaction. A set of detached elements is not yet a content; the elements must be arranged in a certain way and must enter into required interrelationships which are provided by such philosophical category as a structure. Structure, as an internal form of phenomenon allows elements of the content to communicate with each other and interact in a certain order. Flaws can affect both the content and external form, and also the structure (relations) of regulatory phenomena.

Specific Features of Legal Defects

Analysis of the stated doctrinal ideas to the concept of legal defects allows us to systematize their specific features.

A generic feature of rule-making defects is the concept of *deficiency* as a deviation from the due. Defect is the opposite to the normal. A norm is a standard, a reference which is taken as the initial compulsory for comparison of homogeneous phenomena and objects with it. Identification of a legal defect is possible only if the reference model, which it will be compared with, is known. In our opinion, the law should raise the issue of develop-

качества, только при понимании последнего мы сможем квалифицировать дефект в праве. Как совершенно справедливо замечено, «качество и количество законов является общей проблемой во многих странах, так как изменения правил порождают затраты для людей» [96].

Следует отметить, что термин «качество закона», как, впрочем, и «дефект закона», применяется нередко как общеупотребительный, без должного теоретического обоснования и наполнения [24, с. 243–244; 28, с. 19–23; 80, с. 171–174; 82, с. 88–97]. В праве и хозяйственной практике есть понятие «стандарт качества» – «государственный стандарт, санитарные нормы и правила, строительные нормы и правила и другие документы, которые в соответствии с законом устанавливают обязательные требования к качеству товаров (работ, услуг)»⁴.

На наш взгляд, назрела необходимость в доктринальной разработке понятия «стандарт качества нормативно-правового материала» как совокупность обязательных требований к качеству норм права и нормативно-правовых актов. Мы умышленно не используем категорию стандарта качества права из-за многозначности определения права в различных типах правосознания.

В настоящее время понимание качества закона (права, законопроекта, нормативного акта, нормы права) не имеет четких теоретических рамок, это понятие не используется в законодательстве, отсутствуют нормативные требования к самому нормативно-правовому материалу.

Вместе с тем именно качество закона не только определяет его авторитет и уважение к нему и повышает его регулятивный статус, но и вносит стабильность в социальные, экономические отношения, ускоряет темпы общественного развития, научно-технический прогресс. Высокое качество закона обеспечивает его длительное действие, исключает постоянное внесение изменений и исправлений в него и максимально отдалает необходимость принятия нового нормативного акта. Поэтому плохое качество закона невыгодно ни его адресатам, как его «потребителям», ни непосредственно законодателям как «производителям» закона.

Наличие качественных нормативных актов обуславливает и репутацию государства как правового, демократического, социального.

О необходимости разработки категории «качество закона» в свое время заявил Г. А. Гаджиев, жестко указав, что «только в решениях Конституционного Суда России можно встретить положения, которые в своей совокупности интегративно могут составить представление о содержании этого понятия» [21, с. 16–28]. Однако системно сформулировать это понятие способна только правовая теория, безусловно, учитывая и правовые позиции Конституционного суда РФ. В настоящее время в теории права сложилось множество разнообразных представлений о качестве законов и его признаках (свойствах).

Так, Н. И. Клейн полагает, что качество законодательства характеризуется двумя признаками: «во-первых, нормы законов должны быть сформулированы очень четко, во-вторых, законодательный акт должен быть логично связан с другими нормативными актами, в среде которых он будет действовать» [43, с. 7].

Ю. А. Тихомиров выделяет следующие критерии качества законов: адекватное отражение общественных потребностей, правильный выбор формы акта, решение законом социальной проблемы, расчет последствий его принятия [77, с. 3–9].

Предлагаются социальные, политические и юридические параметры качества законов.

В специальной литературе выделяют также три группы признаков качественного закона: «атрибутивные или формальные, содержательные, социально-ценностные или свойства социальной адекватности», а под качеством закона предлагают понимать «совокупность существенных признаков (свойств), присущих закону и обособляющих его среди иных нормативно-правовых актов, а также отражающих адекватность предлагаемых в законе средств и механизмов регулирования социальным потребностям» [20]. Как мы видим, не все названные признаки отражены в понятии, предложенном ученым.

Называют и иные группы признаков качественного закона: «1) технико-юридические критерии (в частности, соответствие нормам законодательной техники); 2) политические критерии (соответствие интересам государства,

ment of a regulatory quality standard. Only if we understand the latter we are able to qualify a defect in law. As it is quite rightly noted, “quality and quantity of laws is a common problem in many countries since changes in rules cause costs for people” [96].

It should be noted that the term “quality of the law” as well as the “defect of the law” is often applied as commonly used, without proper theoretical substantiation and filling [24, pp. 243–244; 28, pp. 19–23; 80, pp. 171–174; 82, pp. 88–97]. In law and economic practice, there is a concept of “quality standard” – “the state standard, sanitary norms and rules, building norms and rules and other documents that in accordance with the law establish mandatory requirements for the quality of goods (works, services)”⁴.

In our opinion, there has been a long-standing need for a doctrinal development of the concept of “quality standard of regulatory material” as a set of mandatory requirements to the quality of legal rules and regulatory acts. We deliberately do not use the category of quality standard of law because of the ambiguity of law definition in various types of legal consciousness.

At present, understanding of the law (draft law, normative act, rule of law) quality does not have a clear theoretical framework, this concept is not used in legislation, and there are no regulatory requirements for the regulative and legal material itself.

At the same time, it is the quality of a law that determines its reputation and respect and enhances its regulatory status, and also brings stability to social and economic relations, accelerates the rate of social development, scientific and technological progress. High quality of law ensures its long-lasting effect, eliminates constant need for revision and corrections and removes as much as possible the need to adopt a new regulatory act. Therefore, poor quality of law is unprofitable neither to its addressees, as its “consumers”, nor directly to legislators as its “suppliers”.

Availability of high-quality regulations also determines the reputation of the state as governed by the rule of law, democratic and social.

G.A. Hajiyev stated the necessity to develop such a category as “quality of law”, pointing out that “only in decisions of the Constitutional Court of Russia one can meet provisions that taken together as integration can form an idea of content of this concept” [21, pp. 16–28]. However, only the theory of law is capable of formulating this concept in a systematic way, certainly, taking into account the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Currently, the theory of law has developed a wide variety of ideas about the quality of laws and its characteristics (properties).

N. I. Klein believes that the quality of legislation is characterized by two features: “firstly, provisions of laws must be formulated very clearly; secondly, the legislative act must be logically connected with other regulatory acts among which it will operate” [43, p. 7].

Y.A. Tikhomirov identifies the following criteria for the quality of laws: an adequate representation of social needs, correct choice of the act form, solving a social problem by the law, estimation of consequences of its adoption [77, pp. 3–9].

Social, political and legal parameters of the law quality are proposed.

The special literature also identifies three groups of features of a high-quality law: “attribute-based or formal, substantive, referring to social values or social adequacy properties”, and under the quality of the law it is proposed to understand “a set of essential attributes (properties) inherent in law and legal acts, as well as reflecting adequacy of means and mechanisms for regulating social needs proposed by law” [20]. As we can see, not all of these features are reflected in the concept proposed by the scholar.

Other groups of attributes of a high-quality law are also mentioned in the literature: “1) technical and legal criteria (in particular, compliance with legislative procedure standards); 2) political criteria (compliance with the state interests,

⁴ https://glossary_of_director.academic.ru

⁴ Available at: https://glossary_of_director.academic.ru.

государственному режиму и т. д.); 3) экономические критерии (ресурсообеспеченность закона, приоритетность затрат на реализацию и т. д.); 4) управленческие критерии (методы реализации закона, соблюдение правил управления, коррупционность и т. д.); 5) социальные критерии (степень соответствия сложившихся общественных отношений и норм права, их регламентирующих, и т. д.)» [88, с. 193–196].

Параметры качества закона группируются и по другому принципу: «свойства, отражающие сущность закона как явления (верховенство, нормативность, юстициабельность, официальность и др.); свойства, отражающие степень совершенства закона (его соответствие реальным общественным отношениям, нравственность, ресурсообеспеченность, соответствие вышестоящим законам и проч.); свойства, отражающие результаты его реализации (реальность, стабильность, динамичность)» [61, с. 149].

Обосновывается и функциональный подход к качеству закона, определяющий надлежащее качество через выполнение законом определенных функций. Так, например, правовое качество конституций (уставов) субъектов РФ предлагается рассматривать через призму выполняемых этими актами функций [85, с. 8].

Имеется в литературе и стадийная концепция качественного закона, как прошедшего определенную последовательность этапов и действий по созданию законопроекта [18, с. 106–109].

Иногда качественный закон понимают очень общо, например, как соответствующий концепции охраны прав и свобод человека [57, с. 59–67] или как имеющий совокупность свойств, характеризующих закон «как регулятор общественных отношений» [22, с. 6].

Качественный закон определяют и от обратного – через перечневую дефиницию недостатков нормативных актов, которые выражаются в: «1) неадекватном отражении в законе происходящих в обществе процессов; 2) недостаточно точном проецировании этих процессов на будущее, неточном прогнозировании возможных путей развития общества, вследствие чего возможен ошибочный выбор направлений перспективного развития и политико-правовой трансформации; 3) отсутствии системности законодательства, нарушении принципов внутренней согласованности, непротиворечивости, возникновении пробелов и коллизий; 4) «мел-

котемье»; 5) декларативности многих законов; 6) наличии в законах юридических и лингвистических ошибок; 7) несоблюдении требований законодательной техники» [75, с. 209–212]. Однако недостаток перечневых дефиниций известен: они могут не учесть какие-либо иные обязательные элементы, не входящие в перечень.

Следует обратить внимание и на немногочисленные работы, специально посвященные проблемам качества законов.

Так, С. В. Поленина, автор первой в нашей стране общетеоретической монографии о качестве законов, считает, что качество закона напрямую связано с его способностью корреспондировать потребностям социума, регулируя общественные отношения соответственно с поставленными целями [60].

В. В. Игнатенко, автор монографии и диссертации, посвященных качеству административно-деликтного закона, полагает, что качество законов – категория стадийная и должна охватывать научное познание нуждающихся в правовой регламентации социальных процессов, выработку законодательной стратегии и разработку конкретных нормативных правовых актов [37, с. 20–21; 38, с. 14].

Заслуга В. В. Игнатенко в формировании теории правового качества законов заключается и в систематизации качественных свойств закона с разделением последних на три группы: свойство правовой легальности, охватывающее компетенционный, содержательно-правовой и процедурный элементы, инструментально-правовые свойства, заключающиеся в полноте, непротиворечивости, точности, технико-юридические свойства, касающиеся структуры, логических и языковых средств закона [38, с. 16].

Следует заметить, что нарушения порядка принятия нормативных актов (по субъекту и по процедуре) многими авторами [3; 36; 40, с. 7; 71, с. 11] относятся к числу нормативно-правовых дефектов. Однако если норма права или нормативно-правовой акт приняты неуполномоченным лицом или с нарушением процедуры, то их нельзя, на наш взгляд, признавать дефектными. Ставить вопрос о дефектности самого акта можно только после того, как он пройдет проверку на соответствие формальным признакам нормативно-правового акта. Процедурные правовые дефекты, безусловно, входят в предмет правовой дефектологии, но не явля-

state regime, etc.); 3) economic criteria (law resource availability, priority of costs for implementation, etc.); 4) management criteria (methods of implementing the law, compliance with the rules of governance, corruption, etc.); 5) social criteria (the degree of conformity of the existing social relations and the legal rules to regulate them, etc.)” [88, pp. 193–196].

Law quality parameters may also be grouped according to another principle: “properties that represent the essence of law as a phenomenon (supremacy, normativity, justice, formality, etc.); properties reflecting the degree of perfection of law (its compliance with real social relations, morality, resource availability, compliance with upper-level laws, etc.); properties reflecting the results of its implementation (reality, stability, dynamics)” [61, p. 149].

Functional approach to the quality of law justified in the literature determines the proper quality through performance of certain functions by the law. For example, the legal quality of constitutions (charters) of the subjects of the Russian Federation is proposed to be viewed through a lens of functions performed by these acts [85, p. 8].

A staged concept of a high-quality law as the one having passed a certain sequence of stages and actions to create a draft law can be also found in the literature [18, pp. 106–109].

Sometimes a high-quality law is understood very generally, for example, as the one corresponding to the concept of protecting human rights and liberties [57, pp. 59–67], or having a set of properties that characterize the law “as a regulator of social relations” [22, p. 6].

High-quality law can be also determined through the opposite using definition list of flaws of regulatory acts, which are expressed in: “1) inadequate reflection in law of the processes occurring in the society; 2) insufficiently accurate projection of these processes to the future, inaccurate forecasting of possible ways for development of society resulting in probable erroneous selection of directions for the future development and political and legal transformation; 3) lack of systematic legislation, violation of internal consistency prin-

ciples, contradictions, emerged gaps and conflicts; 4) concentration on narrow subjects; 5) declarative nature of many laws; 6) presence of legal and linguistic errors in laws; 7) non-compliance with the requirements of the legislative technique” [75, pp. 209–212]. However, the shortage of the listed definitions is well known: they may not take into account any other mandatory elements that are not included in the list.

Attention should be paid to the few works specifically focused on the issues of law quality.

S. V. Polenina, the author of the first general theoretic monograph on the quality of laws in our country, believes that the quality of a law is directly related to its ability to correspond to the demands of society by adjusting social relations accordingly with the desired goals [60].

V. V. Ignatenko, the author of monograph and thesis on the quality of administrative tort law, believes that the quality of laws is a phased (staged) category and should encompass the scientific knowledge of social processes that require legal regulation, generation of legislative strategy and development of specific legal acts [37, pp. 20–21; 38, p. 14].

An important contribution of V. V. Ignatenko to the formation of the theory of legal quality of laws is that he suggested systematization of qualitative properties of law, where the latter are divided into three groups: the property of legislative legality covering the competence, substantive legal and procedural elements, legal tooling properties including completeness, consistency, accuracy, technical legal properties relating to the structure, logical and linguistic means of law [38, p. 16].

It should be noted that many authors [3; 36; 40, p. 7; 71, p. 11] qualify the breach of the procedure for the adoption of legal acts (by subject and by procedure) as legal defects. However, if a rule of law or a regulatory legal act is adopted by an unauthorized person or in breach of the procedure, then, in our opinion, they cannot be deemed as defective. To pose the issue of defectiveness of the act itself it must first be checked for compliance with the formal characteristics of regulatory act. Procedural legal defects, of course, are included

ются непосредственными нормативными правовыми дефектами.

В теории права [62, с. 233] под нормативно-правовым актом понимают письменный документ, *принятый компетентным органом в четко обозначенном процедурном порядке*, имеющий официальный характер и обязательную силу, содержащий нормы права и направленный на регулирования общественных отношений. С учетом этого акт, принятый некомпетентным органом или с нарушением процедуры, вообще не может быть признан нормативно-правовым актом. Если, например, Московская городская дума примет Конституцию РФ, этот акт вряд ли будет квалифицирован как дефектный, он в принципе не будет признан нормативным актом.

Также следует отметить, что содержательный элемент, отнесенный В.В. Игнатенко к качественному свойству правовой легальности, в большей степени совпадает с полнотой и точностью закона, составляющими в его терминологии инструментально-правовое свойство качества закона.

Е. В. Сырых, написавшая диссертацию о качестве закона, ввела понятие «закон надлежащего качества», понимая под ним «закон, обладающий всей совокупностью свойств, присущих ему как источнику права, а также имеющий оптимальную интенсивность проявления свойств (критериев) нормативности, полноты, конкретности, системности, юридической правильности ненормативных элементов закона, простоты, точности, ясности, краткости (экономичности), логической правильности, социальной обусловленности и адекватности способа правового регулирования социальной действительности» [74, с. 10].

Прежде всего хотим обратить внимание, что автор использовала термин «закон» в узком смысле, как акт, обладающий высшей юридической силой, и многие критерии качества в работе связаны именно с этим обстоятельством (например, принят законодательным органом или народом в ходе референдума, соблюдена компетенция законодательного органа). Мы полагаем, что в теории права термин «качество» должен быть распространен на весь нормативно-правовой материал.

Предлагаемый Е. В. Сырых такой критерий качества закона, как «имеющий оптимальную интенсивность проявления свойств», на наш взгляд, чрезмерно абстрактный: трудно оценить проявляются ли свойства нормативного акта «с оптимальной интенсивностью» или нет.

В другой диссертации, посвященной технико-юридическому качеству законов субъектов РФ, автор определяет такое качество, как «устойчивую совокупность правовых свойств формы данного нормативного правового акта, характеризующих степень их соответствия правилам и приемам: законодательной техники» [41, с. 7]. Очевидно, что и такое определение качества закона нельзя признать конкретным и точным.

В России действует множество нормативных стандартов качества разнообразных товаров, работ, услуг. Из нормативных документов мы можем узнать, какого цвета, размера и плотности должны быть яблоки, абрикосы, виноград, а также характеристики их недопустимых, серьезных и несущественных недостатков. Есть стандарты качества образовательных, медицинских, государственных, муниципальных и иных услуг. При этом отсутствуют обязательные требования к качеству нормотворческой деятельности и продуктов этой деятельности – норм права и нормативно-правовых актов.

Стандарт качества нормативно-правового материала должен представлять собой совокупность требований, которые обязан соблюдать правотворческий орган при создании норм права и нормативных актов. Так же, как о качестве яблок, мы должны знать об обязательных условиях содержания (состава), формы и структурных взаимосвязей элементов нормативно-правового регулирования. Отсутствие таких требований препятствуют квалификации правовых дефектов. Как показано выше, имеются некоторые научные представления об обязательных требованиях к качеству закона, однако они отличаются значительным разнообразием не только к определению самого понятия качества, но и к его поэлементному наполнению, к группировкам требований качества.

Безусловно, важно разработать научную теорию качества закона как часть общей теории права, которая, как мы видим, в концептуальном виде до сих пор не создана. При этом мы полагаем, что теория качества нормативно-правового материала отличается от правовой

in the subject of legal defectology but they are not direct regulatory legal defects.

In the theory of law [62, p. 233], a legal act is understood as a written document *adopted by the expert authority in accordance with a clearly defined procedure*, having an official nature and binding force, containing legal rules and focused on regulating public relations. With this, an act adopted by any incapable body or in breach of the procedure cannot be recognized a legal act at all. If, for example, the Moscow City Duma adopts the Constitution of the Russian Federation this act is unlikely to be qualified as defective, it will not be recognized as a regulatory act in principle.

It should also be mentioned that the substantive legal element attributed by V.V. Ignatenko to the qualitative property of legislative legality coincides to a greater extent with the completeness and accuracy of law, which, in his terminology, constitutes a legal tool property of the law quality.

E.V. Syrykh, who wrote a thesis on the quality of law, introduced the concept of a “proper-quality law”, which she understood as “a law that has the entire set of properties inherent in it as a source of law, as well as having an optimal intensity of manifestation of such properties (criteria) as standardization, completeness, specificity, systematic arrangement, legal correctness of non-regulatory elements of law, clarity, brevity (verbal compactness), social conditionality and adequacy of legal regulation method of social reality” [74, p. 10].

First of all, we want to note that the author used the term “law” in its narrow meaning as an act of supreme legal force, and many quality criteria in her research are associated with this circumstance (for example, adopted by legislative body or public during referendum, competence of the legislative body was observed). We believe that in the theory of law the term “quality” should be extended to all regulatory material.

The law quality criterion proposed E.V. Syrykh as “having the optimal intensity of the properties manifestation”, in our opinion, is too theoretic-

cal: it is difficult to assess whether the properties of the regulatory act are manifested “with optimal intensity” or not.

The author of another thesis dedicated to the technical and legal quality of laws of constituent entities of the Russian Federation defines such quality as “a stable set of legal properties of the form of this regulatory legal act characterizing the degree of their compliance with the rules and techniques: legislative techniques” [41, p. 7]. Obviously, such a definition of the law quality cannot be considered specific and exact.

In Russia, there are many regulatory quality standards for a variety of goods, works, and services. From regulatory documents we can find out what color, size and density should be apples, apricots, grapes, as well as characteristics of their unacceptable, serious or minor defects. There are quality standards for educational, medical, state-level, city-level and other services. At the same time, there are no mandatory quality requirements to law-making activity and the products of this activity – legal rules and regulatory legal acts.

The quality standard of regulatory material should be represented by a set of requirements that a law-making body must follow when creating legal rules and regulatory acts. As well as we are aware of the quality of apples, we should be aware of the obligatory conditions of content (composition), form and structural interrelationships of the elements of legal regulation. Absence of such requirements impedes qualification of legal defects. As shown above, there are some scientific ideas about mandatory requirements to the quality of law; however, they differ in considerable diversity not only in definition of the quality concept itself but also in its element-wise filling and in the groupings of quality requirements.

It is definitely important to develop a scientific theory of the law quality as a part of a general theory of law, which, as we see, has not yet been created in conceptual form. At the same time, we believe that the theory of regulatory material quality stands out from legal

дефектологии как науки о правовых недостатках и противодействии им, так же, как создание стандартов качества товара отличается от методов выявления и устранения недостатков товара.

В связи с этим при дефинировании нормативных дефектов в определении родового признака мы ограничимся указанием на *недостаток* как несоответствие стандарту качества норм права и нормативно-правовых актов.

Для целей настоящей статьи можно выделить ряд показателей качества нормативно-правового материала. Во-первых, адекватность позитивного права ценностям и регуляционным ожиданиям общества в определенный период. Во-вторых, ясность (понятность) содержания правовых норм, обеспечивающая правильное отражение их смысла в сознании адресата. В-третьих, соответствие логическим (непротиворечивость и определенность) и лингвистическим правилам написания нормативно-правовых текстов. Так же, как при обсуждении качества любой продукции, высокого качества закона можно добиться только при высоком качестве всех его характеристик. Нарушение указанных требований качества закона ведет к появлению соответствующих дефектов нормативно-правового регулирования: аксиологических, содержательных (смысловых) и юридико-технических.

Обратимся к видовым признакам дефектов нормативно-правового регулирования.

Во-первых, как указано выше, правовые нормотворческие недостатки касаются двух явлений: норм права, а также их содержащих нормативно-правовых актов.

Во-вторых, во многих научных источниках нормативные дефекты рассматриваются как недостатки содержания и формы норм права и (или) нормативных актов. В правовых дефектах различают также смысловые и технические аспекты. Так, С. Ю. Головина при анализе ТК РФ видит недостатки «как содержательного характера, так и технического свойства» [23, с. 23].

С учетом философских представлений о соотношении содержания и формы следует отметить, что нормативно-правовые недостатки касаются содержания, внешней формы и структуры (как внутриотраслевых и межотраслевых связей элементов содержания) норм права и нормативно-правовых актов.

На наш взгляд, предметом изучения правовой дефектологии должны стать также недостатки, находящиеся в правополитической, аксиологической плоскости, касающиеся не только содержания, внешней формы или структуры правовых норм и актов, но и их социально-правовой ценности. В зарубежной литературе такие дефекты получили название институциональных [100].

В литературе было высказано мнение о том, что такие дефекты имеют к юриспруденции «опосредованное отношение», так как истоки находятся не в юридическом поле, а в безграмотных решениях политиков и государственных деятелей [25, с. 317–326; 81, с. 59]. Однако, на наш взгляд, и юристы (от ученых до правоприменителей) должны участвовать в формировании правовой политики и разделять ответственность за нее, поэтому не только технико-юридические, но и правополитические дефекты должны составлять предмет юридической науки. Данные дефекты являются ошибками правообразования [52, с. 13–24], нарушением стратегии правового планирования, они свидетельствуют о неверном определении сферы отношений, требующих правовой регламентации в конкретный период времени.

В этом контексте следует говорить об аксиологических (ценностных) дефектах права, которые сигнализируют о нарушении критериев значимости, полезности, важности, своевременности правовых норм и актов. Элементы нормативно-правового регулирования могут быть совершенны по содержанию, форме и структуре, но не востребованы обществом, в них общество не испытывает еще, уже или вообще заинтересованности, или потребности. Бездефектное право – только то, которое отвечает ценностным ожиданиям общества.

Право должно адекватно и своевременно отражать объективную социальную необходимость, коррелировать с потребностями, с интересами общества. Аксиологические правовые дефекты свидетельствуют об отсутствии соответствия между социальными потребностями и их правовым оформлением, между решением актуальных общественных задач и создаваемыми нормами права (нормативными актами), между социальными запросами и законодательной стратегией. Бездефектное право должно содействовать социально востребованному

defectology as the study of legal deficiencies and counteraction measures to them just as the creation of product quality standards differs from methods of identifying and eliminating product flaws.

In this regard, when defining regulatory defects to identify a generic attribute we will get limited to pointing out a *flaw* as non-conformity with the quality standard of legal rules and regulatory acts.

For the purposes of this article, a number of quality indicators for regulatory material can be distinguished. Firstly, the adequacy of positive law to the values and regulatory expectations of society in a certain period. Secondly, the clarity (understandability) of the content of legal regulations ensuring the correct representation of their meaning in the mind of the addressee. Thirdly, the compliance with logical (consistency and certainty) and linguistic rules for writing regulatory texts. Just as when discussing the quality of any product, high quality of law can only be achieved with the high quality of all its characteristics. Breach of the specified requirements to the quality of law leads to corresponding defects in the legal regulation: axiological, substantive (semantic) and legal operational.

Further, we will refer to the specific features of defects in the legal regulation.

Firstly, as stated above, legal rule-making deficiencies relate to two phenomena: legal rules, as well as legal acts containing those.

Secondly, in many scientific sources, regulatory defects are considered as shortcomings in the content and form of legal rules and (or) regulatory acts. Legal defects also distinguish semantic and technical aspects. For example, analyzing the Labor Code of the Russian Federation S. Yu. Golovina sees the shortcomings of “both a substantive nature and of technical property” [23, p. 23].

Taking into account the philosophical ideas about the relations between content and form it should be noted that the regulatory and legal shortcomings refer to the content, external form and structure (as intra-industry and cross-industry rela-

tions of content elements) of the legal rules and legal acts.

In our opinion, the subject matter of legal defectology should also be flaws that are in the political and law axiological plane, concerning not only the content, external form or structure of legal rules and legal acts, but also their social and legal value. In foreign literature, such defects are called institutional [100].

In the literature, it was suggested that such defects have an “indirect relation” to legal studies since the origins are not in the legal field but in illiterate decisions of politicians and public officials [25, pp. 317–326; 81, p. 59]. However, in our opinion, lawyers (from scholars to executors of law) should participate in formation of legal policy and share responsibility for it, therefore not only technically legal but also political and legal defects should be the subject of legal science. These defects are errors of law formation [52, pp. 13–24], breach of legal planning strategy, they indicate incorrect definition of the scope of relations that require legal regulation in a specific period of time.

In this context, we should talk about axiological (value-based) defects of law which signal about breaching the criteria of significance, effectiveness, importance, timeliness of legal rules and legal acts. Elements of legal regulation can be perfect in content, form and structure but not demanded by society, i.e. society, already or in general, does not feel any interest or need for them. The law free of defects is only that which meets the value expectations of society.

The law must adequately and timely reflect an objective social need, correlate with the needs and interests of society. Axiological legal defects indicate a lack of consistency between social needs and their legal appearance (form), between addressing the crucial social tasks and the established legal rules (regulatory acts), between social demands and legislative strategy. Defect-free law should promote socially demanded

(правомерному) поведению, обеспечивать максимально возможное бесконфликтное взаимодействие отдельных индивидуумов и социальных групп, гарантировать справедливое распределение общественных благ.

Выделение аксиологических недостатков права имеет большое значения для дефинирования и типологизации правовых дефектов.

Правотворчество имеет две стороны: отражение социально-правовых потребностей и их нормативно-правовое оформление. Отсюда – распространенное доктринальное стремление разделить правотворческие дефекты на социально-политические и сугубо юридические (юридико-технические) [53, с. 5–13]. В связи с этим большинство правовых классификаций дефектов основаны на недостатках юридической техники (пробелы, дублирование, избыточность, противоречия, нарушение языковых правил, стилистики и т.п.). Однако нормы права, безупречные с юридико-технической стороны, но не решающие государственно-необходимые задачи в регламентации общественных отношений, бессмысленны. Как верно заметил Ю. А. Тихомиров, «если текст закона хорошо написан, но он не помогает решить проблему урегулирования конкретных общественных отношений, этот нормативный акт останется памятником права лишь на бумаге и его действие будет практически неощутимо» [78, с. 455–458]. Законодательный процесс должен всегда начинаться с постановки социальной задачи, которую решит закон [97].

Самостоятельную юридическую значимость концепции закона мы можем обнаружить и в нормативных документах. Так, Правительством РФ утверждены Основные требования к концепции и разработке проектов федеральных законов⁵, где в п. 3 предусмотрено, что в «концепции законопроекта» должны быть определены: 1) основная идея, цели и предмет правового регулирования, круг лиц, на которых распространяется действие законопроекта, их новые права и обязанности, в том числе с учетом ранее имевшихся; 2) место будущего закона в системе действующего законодательства с ука-

занием отрасли законодательства, к которой он относится, положений Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов и системообразующих законов Российской Федерации, на реализацию которых направлен данный законопроект, а также значение, которое будет иметь законопроект для правовой системы; 3) общая характеристика и оценка состояния правового регулирования соответствующих общественных отношений с приложением анализа действующих в этой сфере нормативных правовых актов Российской Федерации, Договора о Евразийском экономическом союзе и иных международных договоров Российской Федерации. При этом указываются пробелы и противоречия в действующем законодательстве, наличие устаревших норм права, фактически утративших силу, а также неэффективных положений, не имеющих должного механизма реализации, рациональные и наиболее эффективные способы устранения имеющихся недостатков правового регулирования. Общая характеристика состояния правового регулирования должна также содержать анализ соответствующей российской и зарубежной правоприменительной практики, а также результаты проведения статистических, социологических и политологических исследований; 4) социально-экономические, политические, юридические и иные последствия реализации будущего закона; 5) информация о соответствии законопроекта положениям Договора о Евразийском экономическом союзе, а также положениям иных международных договоров Российской Федерации.

Концепция законопроекта отвечает прежде всего за формирование его предмета, цели и категориально-понятийного аппарата, это фундаментальная основа нормотворческой работы. Ошибки в концепции закона не могут быть впоследствии скорректированы на уровнях конкретного содержания, формы или структуры нормативного акта. При этом наряду с концепцией законопроекта Правительство РФ различает проект технического задания на разработку законопроекта как письменного документа (п. 4 Постановления).

Таким образом, мы видим, что дефекты нормативно-правового регулирования допустимо рассматривать в широком и узком смыслах: как охватывающие концептуально-право-

(legitimate) behavior, ensure the maximum possible conflict-free interaction between individuals and social groups, and guarantee a fair distribution of public goods.

Identification of axiological deficiencies of law is of great importance for definition and classification of legal defects.

Lawmaking has two sides: a reflection of social and legal needs and their legal and regulatory formalization. Therefore, there is a widespread doctrinal desire to divide lawmaking defects into social and political and purely legal (technically legal) [53, pp. 5–13]. In this regard, most legal classifications of defects are based on flaws in legal techniques (gaps, duplication, redundancy, contradictions, violation of language rules, style, etc.). However, legal rules, impeccable in terms of legal technique but not solving state-level tasks are meaningless in regulation of public relations. As correctly noted by Y.A. Tikhomirov, “if the text of law is well written though it does not help to solve the problem of settling specific public relations this regulation will remain a monument of law only on paper and its effect will be almost imperceptible” [78, pp. 455–458]. The legislative process should always begin with formulation of the social task that the law would solve [97].

We can find independent legal significance of the law concept in regulatory documents. For example, the Government of the Russian Federation approved the Basic Requirements for the Concept and Development of Draft Federal Laws⁵ where in Paragraph 3, it is stipulated that the “concept of a draft law” should define: 1) the main idea, goals and subject of legal regulation, the circle of persons covered by the draft law, their new rights and obligations including previously existing ones; 2) the place of the future law in the system of current legislation indicating the branch of legislation to

which it relates, the provisions of the Constitution of the Russian Federation, federal constitutional laws and the system-forming laws of the Russian Federation, which this draft law is intended to implement, as well as the significance that the draft law will have for the law system; 3) a general description and assessment of the status of legal regulation of relevant public relations with the application of the analysis of the regulatory legal acts of the Russian Federation in force in this field, the Treaty on the Eurasian Economic Union and other international treaties of the Russian Federation. At the same time, gaps and contradictions in the current legislation, existence of obsolete legal rules, actually invalidated, as well as ineffective provisions that do not have the proper implementation mechanism, rational and most effective ways to eliminate the existing shortcomings of legal regulation shall be specified. General characteristics of the legal regulation condition should also contain an analysis of relevant Russian and foreign law enforcement practices, as well as the results of statistical, sociological and political research; 4) social and economic, political, legal and other consequences of implementing the future law; 5) information on the compliance of the draft law with the provisions of the Treaty on the Eurasian Economic Union, as well as with the provisions of other international treaties of the Russian Federation.

The concept of the draft law is primarily responsible for the formation of its subject, goal, and the apparatus of categories and concepts; this is the fundamental basis of the rule-making work. Errors in the concept of law can not be subsequently adjusted at the levels of the specific content, form or structure of a regulatory act. At the same time, along with the concept of the draft law, the Government of the Russian Federation distinguishes the draft terms of reference for the development of the draft law as a written document (see p. 4 of the Resolution).

Thus, we can see that regulatory defects can be viewed in a broad and narrow meaning: as covering legal-conceptual and legal-technique

⁵ Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов: постановление Правительства Рос. Федерации от 2 авг. 2001 г. № 576 (ред. от 13.03.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 32, ст. 3335.

⁵ Resolution of the Government of the Russian Federation No. 576 “On the Approval of Basic Requirements for the Concept and Development of Draft Federal Laws” of August 2, 2001 (as amended on March 13, 2015). *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2001. No. 32. Art. 3335.

вые и юридико-технические недостатки (широкий подход) и представляющие собой только последние (узкий подход). Однако выведение концептуально-правовых дефектов за предметные границы юриспруденции необоснованно, поскольку это сильно обеднит правовую дефектологию и будет препятствовать созданию эффективного механизма борьбы с нормативно-правовыми дефектами. Известно, что уважение к закону обусловлено в первую очередь не его юридико-техническим совершенством, а его социальным одобрением и принятием, значимостью и важностью для жизни человека.

В связи с этим рассматриваемый признак правовых нормативных дефектов должен формулироваться как «недостаток социальной значимости, содержания, внешней формы и структуры» правовых норм, нормативных правовых актов.

В-третьих, подчеркнем, что не всякий недостаток социальной значимости, содержания, внешней формы и структуры правовых норм, нормативных правовых актов может быть квалифицирован как дефект. Пороки качества любого предмета могут быть существенными и несущественными. Ни один из них не красит нормативно-правовой акт, однако несущественные недостатки не приводят к снижению эффективности правового регулирования. Незначительные недостатки (пунктуационные, грамматические ошибки, не искажающие содержания, опечатки и проч.), конечно, также подлежат устранению.

Существенные, значительные нормативные недостатки нормативно-правового регулирования приводят к проблемам его эффективности, к тому, что право, как официальный регулятор, перестает обеспечивать потребности общества, перестает отвечать на его запросы.

Эффективность нормативно-правового регулирования связана с полнотой достижения поставленных и ожидаемых целей такого регулирования. При этом такие цели не формируются произвольно, в отрыве от закономерностей развития общества, государственной политики, социально-экономической обстановки. Если после правового воздействия конкретное отношение возникло, изменилось или прекратилось в соответствии с заданными и требуемыми общественными задачами, то такое правовое нормативное регулирование эффективно.

Представляется важным заметить, что в юридической литературе различают эффективность и полезность правовых норм. Полезность права связана с соотношением негативных и позитивных последствий, в том числе непредвиденных, его действия. Правовая норма может быть неэффективна, но высокополезна, если ее действие создает побочный непредвиденный положительный результат. Снижение полезности правовой нормы может свидетельствовать о необходимости ее изменения, постановки новых целей или выбора иных способов и приемов реализации в связи с новыми условиями жизни общества. Интересную иллюстрацию соотношения полезности и эффективности права приводят авторы уже упоминавшейся монографии об эффективности правовых норм [92, с. 60–61]. Цель установления уголовной ответственности за самоаборты – снижение количества самоабортов. Результат действия такой нормы – количество самоабортов снижено. Таким образом, цель правовой нормы достигнута, результат действия совпал с первоначально задуманной целью. Мы можем констатировать, что правовая норма полностью эффективна, она привела к прекращению нежелательного поведения (правоотношения). Однако ее действие обнаружило серьезный побочный негативный эффект – увеличение количества «подпольных абортов», такая норма права оказалась в целом социально бесполезной.

Следует учитывать, что появление новых общественных отношений, новых способов хозяйствования напрямую не свидетельствует о неэффективности «старых» правовых норм, так как перед последними ставились иные цели. Новые цели правового регулирования должны приводить к появлению принципиально новых норм или серьезной корректировке старых. Например, трудовое законодательство достаточно адекватно регулирует традиционные трудовые правоотношения, однако оно не способно регулировать отношения, возникающие, например, между таксистом и такими структурами (сервисами), как «ЯндексТакси» или «Uber». Перед ТК РФ изначально не ставилась задача регламентировать подобные отношения. Такая же неопределенность возникает при попытке применить ГК РФ к смарт-контрактам, которые предполагают, что обязательства из них будут исполняться автоматически, без участия воли

deficiencies (broad approach), and representing only the latter (narrow approach). However, the removal of conceptual and legal defects out of the subject matter of legal studies is unreasonable since this will greatly impair legal defectology and impede the creation of an effective mechanism for struggling with the legal defects. It is known that respect for the law is not primarily caused by its legal and technical perfection but by its social approval and acceptance, value and significance for human life.

In this regard, the discussed feature of legal regulatory defects should be formulated as a “lack of social significance, content, external form and structure” of legal rules and legal acts.

Thirdly, we would like to emphasize that not every lack of social significance, content, external form and structure of legal rules and legal acts can be qualified as a defect. Quality flaws of any item can be significant and insignificant. None of them are good for the regulatory legal act; however, minor flaws do not lead to decrease in the effectiveness of legal regulation. Minor flaws (punctuation, grammar errors that do not distort the content, misprints, etc.), of course, are also subject to correction.

Significant regulatory deficiencies lead to problems of its effectiveness, to the fact that law as an official regulator ceases to meet the needs of society, stops responding to its requests.

The effectiveness of legal regulation is related to the completeness of achievement of stated and expected goals of such regulation. At the same time, such goals are not formed arbitrarily, in isolation from the laws governing the development of society, state policy, and the social and economic situation. If after the legal impact a specific attitude has emerged, changed or ceased in accordance with the assigned and required social objectives it means such legal regulation is effective.

It is important to note that in legal literature the effectiveness and the efficiency of legal rules are distinguished. The efficiency of law is related

to the ratio of negative and positive consequences of its effects, including unexpected ones. The legal rule may be ineffective highly efficient (useful) if its effect creates an unexpected positive side result. Reduced usefulness of the legal rule may indicate the need to change it, to set new goals or to choose other methods and techniques for implementation in relation with the new conditions of the life of society. An interesting illustration of relationship between the usefulness (efficiency) and effectiveness of law is given by the authors of the above mentioned monograph on the effectiveness of legal rules [92, pp. 60–61]. The purpose of establishing criminal liability for self-abortion is to reduce the number of self-abortions. The result of such a rule is the reduced number of self-abortions. Thus, the goal of the legal rule was achieved, the result of its operation coincided with the originally conceived goal. We can state that the legal rule is fully effective; it led to the cessation of undesirable behavior (legal relations). However, its action revealed a serious adverse side effect – an increase in the number of “backstreet abortions”, such a rule of law turned out to be generally socially unhealthy.

It should be borne in mind that the emergence of new social relations, new ways of doing business does not directly indicate the inefficiency of the “old” legal rules since different goals were set for the latter. New goals of legal regulation should lead to the emergence of fundamentally new rules or serious adjustment of the old ones. For example, labor legislation quite adequately regulates traditional labor relations, however, it is not capable of regulating relations that arise, for example, between a taxi driver and such services as “YandexTaxi” or “Uber”. The Labor Code of the Russian Federation did not initially set the task of regulating such relations. The same uncertainty arises when trying to apply the Civil Code of the Russian Federation to smart contracts which assume that the obligations thereof will be fulfilled automatically without participation

сторон, или к разнообразной деятельности искусственного интеллекта, роботов, также не обладающих волей и волеизъявлением в классическом цивилистическом понимании.

В целом мы не можем говорить о дефектности или неэффективности правовых норм, которых еще нет. Другая ситуация, когда принимается правовая норма, которая «умышленно» игнорирует уже возникшие общественные отношения, нуждающиеся в правовой регламентации.

На первый взгляд, формула эффективности «соотношение цели и результата» выглядит простой. Но это только на первый взгляд. Во-первых, возникает вопрос о том, кто и каким образом формирует цели правового регулирования, кто за ними стоит. Во-вторых, как должен выглядеть результат действия эффективной правовой нормы, в чем он должен заключаться?

Если цель правовой нормы, которую имеет в виду законодатель, не отвечает потребностям общества, вызывает открытое социальное осуждение, можно ли такую нормы после успешной реализации признать эффективной? Отвечая на этот вопрос, мы поддерживаем позицию С.А. Жинкина о том, что государственную волю как цель правовой нормы нельзя возводить в абсолют при оценке ее эффективности: «Исследование эффективности норм права должно исходить из того, что правовые нормы не совпадают с указаниями государства. Будучи правовыми по форме, эти указания не будут правовыми по духу, по содержанию» [31].

В этой плоскости должен быть поставлен вопрос о различных уровнях, степенях эффективности права. Действие нормы права может не полностью решать те задачи, которые перед ней поставлены законодателем. В отдельных случаях 100-процентная эффективность объективно невозможна. Любая статья Особенной части УК РФ нацелена на полное искоренение тех преступлений, ответственность за которые в них предусмотрена. Это – идеал. Однако в действительности мы можем только констатировать, насколько снижается количество преступлений, наказание за которые предусмотрено конкретными уголовно-правовыми статьями.

Можно говорить и о нулевой эффективности [55, с. 26] действующего права, когда оно не оказывает практически никакого воздействия на общественные отношения, но при этом не причиняет им вреда. Правовые нормы могут оказывать и отрицательное воздействие на регламентируемое общественное отношение, когда результат действия нормы не только не соответствует поставленной цели, но и отдален от нее в негативную сторону – в этом случае мы имеем дело с антиэффективностью правовой нормы.

Как верно заметила Т. Я. Хабриева, в основе критериев оценки действия правовой нормы лежит «принцип справедливости, и включает систему оценки распределения полученных благ» [83, с. 19]. Нарушение этого критерия эффективности права и приводит к появлению аксиологических дефектов как индикатора несоответствия формальной нормы права и социальных ожиданий (потребностей) людей, прежде всего их представлений о стандартах справедливости.

Эффективность правовых норм – понятие самостоятельное, многогранное и многоуровневое, не связанное исключительно с нормативными дефектами. В. Н. Кудрявцев писал, что на правовую эффективность влияют, помимо качества самих правовых норм, еще и деятельность правоприменительных органов и уровень правосознания в обществе [92, с. 80–83]. Созвучно с этим подходом и мнение Т. Я. Хабриевой: «Исполнение правовых предписаний обуславливается качеством закона, эффективностью правореализации и в необходимых случаях правоприменением, уровнем правосознания и правовой культуры граждан, действующих в качестве частных либо должностных лиц» [83, с. 20].

Вклад в достижение цели правового регулирования трехсторонний, его делают: право-творцы, правореализаторы и само гражданское общество.

Следует заметить, что критерии эффективности права коренятся и в жизненном благополучии индивидуумов, успехе самореализации личности, в его соответствии базовым институциональным устремлениями людей, возникающими и поддерживаемыми внутри социума.

of will of the parties, or to the various activities of artificial intelligence, robots that also do not have the will and expression of the will in its classical civil understanding.

In general, we cannot talk about defectiveness or ineffectiveness of rules that are not yet available. Another situation is when a legal rule is adopted that “deliberately” ignores social relations that have already emerged and that need legal regulation.

At first sight, the formula of effectiveness “the ratio of goal and result” looks simple. However, this is only at first sight. Firstly, the question arises: who and how forms the goals of legal regulation, who stands behind them? Secondly – what should the result of an effective legal rule look like? What should it consist of?

If the purpose of the legal rule which the legislator has in mind does not meet the needs of society, causes open social condemnation, can such a rule be recognized effective after successful implementation? Answering this question, we support the position of S.A. Zhinkin that the state will as the goal of a legal rule cannot be absolutized when evaluating its effectiveness: “The study of the effectiveness of legal rules must proceed from the fact that legal rules do not coincide with the instructions of the state. Being legal in form, these instructions will not be legal in spirit, in content” [31].

In this regard, we should raise a question about different levels, degrees of law effectiveness. The effect of a legal rule may not completely solve the tasks that the legislator has set for it. In some cases, 100% efficiency is objectively impossible. Any article of Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation is aimed at the complete eradication of crimes therein. This is the ideal. However, in reality, we can only state how much the number of crimes prohibited by specific criminal law articles decreases.

We can talk about zero efficiency [55, p. 26] of the law in force when it has practically no effect on social relations but at the same time, does not make any harm to them. Legal rules can also have a negative impact on a regulated public attitude when the result of a rule either does not correspond to the set goal or is distant from it in a negative direction – in this case we are dealing with anti-effectiveness of the legal rule. As it was rightly noted by T. Y. Khabrieva, the criteria for assessing the effect of a legal rule are based on the “principle of justice, and includes a system of assessing the distribution of the goods received” [83, p. 19]. Breach of this criterion of the effectiveness of law leads to the emergence of axiological defects which indicate incompatibility of the formal rule of law and social expectations (needs) of people, first of all – their perception of the standards of justice.

The effectiveness of legal rules is an independent, multifaceted and multi-level concept not connected exclusively with regulatory defects. V.N. Kudryavtsev wrote that besides the quality of legal rules themselves the legal effectiveness is also influenced by the activity of law enforcement bodies and the level of legal awareness in society [92, pp. 80–83]. In tune with this approach is the opinion of T. Y. Khabrieva: “The fulfillment of legal regulations is determined by the quality of law, effectiveness of law enforcement and, if necessary, by law execution, the level of legal awareness and legal culture of citizens acting as individuals or officials” [83, p. 20].

Contribution to the achievement of a legal regulation goal is trilateral: it is made-up of rule-making bodies, law-enforcement bodies and civil society itself.

It should be noted that the criteria for effectiveness of law are rooted in the welfare of individuals, the success of personal fulfillment, its compliance with the basic institutional intentions of people that arise and are supported within society.

Эффективность действия правовых норм может оцениваться и с других внеюридических позиций: психологической [32], антропологической [33, с. 10–12], социологической [63]. Эффективность действия права всегда будет определяться как результат синергетического воздействия как юридических, так и неюридических факторов.

В целом теоретико-правовая теория эффективности нуждается в концептуализации, основные научные работы по эффективности права относятся ко второй половине прошлого века [45; 79; 91; 92]. Как мы видим, эффективность действия правовых норм и нормативно-правовых актов зависит не только от качества нормативно-правового материала. Соответственно и дефекты могут обнаружиться не только на уровне нормативно-правового регулирования, но и в сфере правореализации, в том числе правоприменения, и в сфере правосознания и правовой культуры и в других сферах, которые оказывают воздействие на конечный результат правовой регуляции общественных отношений. Эффективность закона в целом обусловлена объективным правовым циклом «правопонимание – правотворчество – правоприменение» [76, с. 168].

Поэтому предмет правовой дефектологии, как и теории эффективности действия права, значительно шире, чем вопросы дефектов нормативно-правового регулирования и эффективности позитивного права.

При определении рассматриваемого признака дефектов нормативно-правового регулирования необходимо учитывать, что это только существенные (значительные) его недостатки, а именно те, которые приводят к снижению эффективности или полному исключению действия позитивного права (состояния правового воздействия, при котором регламентируемое общественное отношение возникает, изменяется или прекращается в соответствии с заданными и требуемыми как государством, так и обществом задачами) или к антиэффективности. Но подчеркнем, что такие негативные последствия реализации закона могут быть вызваны не только его формально-юридическим качеством, но и иными факторами и причинами, находящимися за границами возможностей позитивного права.

Место дефектов нормативно-правового регулирования в категориальном аппарате теории права

Правовые понятия отражают в мышлении познающего субъекта наиболее важные и существенные свойства, связи и отношения явлений, составляющих в своей совокупности правовую действительность. Понятийно-категориальный аппарат – это каркас правовой науки, и он диалектичен: с одной стороны, он содержит давно устоявшиеся, традиционные понятия; с другой стороны, он требует постоянного обновления уже известных и давно применяемых понятий и пополнения новыми понятиями, отражающими новые правовые явления. Перманентный процесс фиксации новых правовых явлений требует непрерывной работы над усовершенствованием понятийного аппарата правовой науки. При этом многие правовые явления, уже имеющие оформленные понятийные обозначения, в силу обнаруженных у них общих свойств могут потребовать – в силу необходимости восхождения от конкретного к абстрактному – объединения их в более широкое понятие. Любое новое правовое понятие должно быть гармонично вписано в уже существующую понятийную систему и должно найти в ней свое «законное» место. Успех нахождения этого места в понятийно-категориальных рядах правоведения зависит в первую очередь от обнаружения связей и взаимоотношений нового явления с иными правовыми явлениями, которые не только способствуют дефинированию нового понятия, но и показывают его отличительные признаки, отграничивающие его от смежных понятий.

Дефекты нормативно-правового регулирования и юридические (правовые) ограничения. Под ограничениями в общеупотребляемом смысле понимают прямое или косвенное стеснение, сдерживание прав или возможностей. При этом следует учитывать, что такие «ограничения возможностей» могут быть как неправомерными, так и правомерными. Так, ограничения прав, запрещенные законом, находятся в понятийном поле деликтного права (от уголовного до административно-деликтного и гражданско-деликтного). Ведь и похищение человека, и препятствие к пользованию титульным владением имуществом, осуществлению права собственности по своей сути являются неза-

The effectiveness of legal rules can also be assessed from other extra-legal positions: psychological [32], anthropological [33, pp. 10–12], sociological [63]. The effectiveness of the law will always be determined as a result of the synergistic effect of both legal and non-legal factors.

In general, the theoretical and legal theory of efficiency needs to be conceptualized; the main research papers on the effectiveness of law belong to the second half of the last century [45; 79; 91; 92]. As we see, the effectiveness of legal rules and regulatory acts depends not only on the quality of the regulatory material. Consequently, defects can be found not only at the level of legal regulation but also in the area of law enforcement, including law application, and in the area of legal awareness and legal culture and in other areas that affect the final result of the legal regulation of social relations. The effectiveness of law as a whole is determined by the objective legal cycle “law understanding – lawmaking – law enforcement” [76, p. 168].

Therefore, the subject of legal defectology, as well as the theory of the law effectiveness, is much broader than the issues of defects in legal regulation and the effectiveness of positive law.

When determining the considered feature of regulatory defects, it is necessary to take into account that these are only significant (critical) flaws, namely those that lead to the decrease in efficiency or to the complete elimination of the action of a positive law (state of legal influence when the regulated social relations arise, change or get terminated in accordance with the tasks assigned and required by both the state and society) or to anti-effectiveness. However, we would like to emphasize that such negative consequences of the law implementation can be caused either by its formal legal quality or by other factors and reasons that are beyond the limits of positive law capabilities.

The Place of Regulatory Defects in the Categorical Apparatus of the Theory of Law

Legal concepts reflect the most important and essential properties, links and relationships of phenomena which all together constitute legal reality in the mind of the cognizing subject. The conceptual and categorical apparatus is the framework of legal science, and it is dialectical: on the one hand, it contains long-established traditional concepts; on the other hand, it requires constant updating of already known and used concepts and replenishing with new concepts reflecting new legal phenomena. The permanent process of fixing new legal phenomena requires continuous work to improve the conceptual apparatus of legal science. At the same time, many legal phenomena that already have formally established conceptual denotations due to their discovered common properties, may require (because of the required ascending from the concrete to the abstract) to unite them into a broader concept. Any new legal concept should be harmoniously integrated in the already existing conceptual system and should find its “legitimate” place in it. The success of finding this place for the new concept in the lines of concepts and categories of the legal study depends primarily on the discovery of links and relations of the new phenomenon with other legal phenomena that either contribute to the definition of a new concept or show its distinctive features, delimiting it from the related concepts.

Regulatory Defects and Legal Restrictions. Restrictions in general meaning are understood as direct or indirect constraints, restraint of rights or opportunities. It should be kept in mind that such “restrictions of opportunities” can be both illegal and legitimate. Thus, the restrictions of rights prohibited by law are in the conceptual field of tort law (from criminal to administrative tort and civil tort law). As both kidnapping and obstacle to legal possession of property, effectuation of right of ownership are inherently

конными ограничениями соответствующих субъективных прав.

В то же время в теории права имеется учение о правовом ограничении, под которым понимают «правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите; это установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в их деятельности» [49, с. 618]. Без подобных ограничений нормальное существование общества невозможно, такие ограничения объективно необходимы для корректного понимания свободы в человеческом обществе. Правовые ограничения препятствуют социально-негативному поведению, реализации антиобщественных, противоправных интересов отдельных граждан и групп. Их правореализационный потенциал исключительно положительный. Другой вопрос, что правомерные ограничения могут обладать определенными нормативными недостатками, которые приводят к появлению нормативно-правовых дефектов правовых ограничений. Например, отсутствие санкции за несоблюдение правового ограничения приводит к его фактическому бездействию, такое правовое ограничение неэффективно.

Дефекты нормативно-правового регулирования и юридические препятствия. «Юридические препятствия» – это понятие, которое только становится предметом познания теоретиков права, под ними понимают «явления правовой действительности, негативно влияющие на эффективность правового воздействия и, как следствие, достижение целей правового закона» [15, с. 92]. Правовое препятствие характеризуется и как позитивное явление, сдерживающее негативное, неправомерное поведение [35, с. 160–161]. В таком смысле оно по сути совпадает с правовым ограничением.

Правовые дефекты могут сравниваться с юридическими препятствиями, понимаемыми в негативном смысле. Позволяет их сравнивать общий признак – направленность на снижение эффективного правового регулирования.

В. Ю. Панченко выделяет три группы юридических препятствий: нормативные, правоукрепляющие и правореализационные. Для объяснения этих групп ученый использует

катеорию «дефект». К нормативным препятствиям отнесены разнообразные дефекты нормотворческой работы; к правоукрепляющим – дефекты в сфере юридических и доказательственных фактов, дефекты субъектного состава правоотношений, дефекты структуры правоотношений; к последним – организационно-процедурные и ментальные дефекты [58, с. 10–18; 59]. Очевидно, что автор дифференцирует дефекты по стадиям механизма правового регулирования, однако не учитывает стадию правоприменения, а стадия правореализации не охватывает сами акты реализации права. Кроме того, дефект содержания или субъектного состава правоотношения может быть нормативным, например неопределенность или противоречивость в нормативном определении круга участников правоотношения, или их прав и обязанностей.

Существует и более широкий взгляд на юридические препятствия, при котором различаются правовое регулирование и правовое воздействие; последнее реализуется также на информационно-психологическом и ценностно-ориентационном уровнях [15]. В числе таких препятствий называются погодные условия, заболевания, нежелание усваивать содержание правовых норм, требование принять нормативный акт по вопросу, не подлежащему правовой регламентации, сложное материальное положение отдельных граждан [14, с. 157–163] и т. п. Соглашаясь в целом с тем, что подобные явления могут препятствовать эффективной правореализации, трудно принять вывод об их юридической природе.

Следует также отметить, что в теории права считается, что юридические препятствия относятся к сфере динамики права, проявляются только в процессе действия правовых норм. Однако ряд нормотворческих дефектов крайне статичны и очевидны без проверки их в правовом действии, например логические, лингвистические и др.

В правовой науке представлен и более узкий взгляд на юридические препятствия как сложности, возникающие в процессе реализации прав и свобод, не связанные с формальными нарушениями норм права. В таком понимании юридические препятствия в большей степени совпадают с аксиологическими дефекта-

illegal restrictions of the relevant subjective rights.

At the same time, in the theory of law there is a doctrine on legal restriction which is understood as “legal deterrence of an illegal act which creates conditions to satisfy the interests of the counterentity and public interests in protection and defense; these are the boundaries established in law within which the subjects must act, i.e. the exclusion of certain possibilities in their activities” [49, p. 618]. Normal existence of society is impossible without such restrictions; such restrictions are objectively necessary for correct understanding of freedom in human society. Legal restrictions impede social negative behavior, implementation of antisocial, illegal interests of individual citizens and groups. Their enforcement potential is exceptionally positive. Another issue is that legitimate restrictions may have certain regulatory deficiencies that lead to emergence of regulatory and legal defects of legal restrictions. For example, absence of sanction for non-compliance with a legal restriction leads to its actual inactivity, such legal restriction is ineffective.

Regulatory Defects and Legal Obstacles. Legal obstacle is a concept that is just becoming a matter of knowledge of legal theorists. It is understood as “phenomena of legal reality that adversely affect the effectiveness of legal influence and, as a consequence, the achievement of legal goals” [15, p. 92]. The legal obstacle is also characterized as a positive phenomenon that inhibits negative, illegal behavior [35, pp. 160-161]. In this meaning, it essentially coincides with legal restriction.

Legal defects can be compared with legal obstacles understood in the negative meaning. There is a common feature that allows us to compare them, it is a focus on reducing effective legal regulation.

U. V. Panchenko distinguishes three groups of legal obstacles: regulatory, law-detailing, and law-enforcing. The author uses the “defect” category to explain these groups. Regulatory obstacles include various defects in lawmaking; law-detailing ob-

stacles comprise defects in the area of legal and evidentiary facts, defects in the subject matter of legal relations, defects in the structure of legal relations; the category of law-enforcing obstacles includes organizational and procedural and mental defects [58, pp. 10–18; 59]. Obviously, the author differentiates the defects according to the stages of the legal regulation mechanism though he does not take into account the stage of law application, and the stage of law enforcement (implementation) does not cover the acts of the law enforcement themselves. In addition, a defect in the content or subject matter of a legal relation may be regulatory, for example, ambiguity or inconsistency in regulatory definition of the participants of legal relations, or their rights and obligations.

There is also a wider view of legal obstacles, where they differentiate legal regulation and legal influence; the latter is also implemented at the psychological information and value-focused levels [15]. Among such obstacles are weather conditions, diseases, unwillingness to assimilate the content of legal rules, requirement to adopt a regulatory act on an issue not subject to legal regulation, difficult financial situation of individual citizens [14, pp. 157–163] etc. While we agreeing in general with the fact that such phenomena can interfere with effective law implementation we can hardly accept a conclusion about their legal nature.

It should also be noted that in the theory of law, it is believed that legal obstacles refer to the area of law dynamics; they appear only in the process of the legal rules operation. However, a number of rule-making defects are extremely static, and are quite obvious without any checking them in legal action, for example, logical, linguistic defects, etc.

The legal study also has a narrower understanding of legal obstacles as difficulties arising in the process of exercising rights and freedoms, which are not related to formal violations of the law. Under such understanding, legal obstacles largely coincide with axiological defects, so that

ми, с тем, что содержание правовых норм не отвечает социальным ожиданиям. Например, предлагается закрепить обязанность прокурора приносить извинения реабилитированным гражданам, запретить обращать взыскание на суммы, полученные реабилитированным гражданином в качестве компенсации за моральный и имущественный вред [17, с. 45–52].

В широком смысле правовая дефектология «совпадает» с учением о юридических препятствиях. И здесь может быть поставлен вопрос о нужности их различения: есть ли необходимость в таком дублировании в теоретико-правовом понятийном аппарате? При этом дефекты нормативно-правового регулирования содержательно совпадают с юридическими препятствиями, возникающими на уровне формирования нормативной модели поведения. Однако нормативные юридические препятствия не должны определяться слишком широко, в частности недопустимо включать сюда неверное толкование норм права правоприменителей, отсутствие «отлаженной процедуры» реализации [34, с. 80–82].

Дефекты нормативно-правового регулирования и административные барьеры. С вопросом о юридических препятствиях тесно связана проблема административных барьеров в реализации прав и свобод. Полного теоретико-правового содержания категория административного барьера еще не получила, осложняет ее юридическое дефинирование и синонимичность слов «барьер» и «препятствие». Впервые термин «административный барьер» использовался в указе Президента РФ «О мерах по устранению административных барьеров при развитии предпринимательства», однако сегодня он универсализирован и используется во всех сферах правовой регламентации. Административные барьеры возникают в сфере соприкосновения публичной (исполнительной) власти и частного лица. Под ними понимают избыточные публичные услуги [54, с. 9], отсутствие которых ведет либо к улучшению положения подконтрольных лиц, либо нейтрально влияет на их положение, т.е. оно не изменяется ни в лучшую, ни в худшую сторону [1, с. 79–88]. Так же как и юридические препятствия, административные барьеры понимаются и в позитивном смысле [16, с. 132–147], однако с де-

фектами соотносятся только негативные административные барьеры.

И административные барьеры, и правовые дефекты влияют на конечную эффективность правового регулирования. При наличии административных барьеров усилия (временные, финансовые, процедурные, интеллектуальные, технические) по получению публичной услуги значительно превышают положительный результат от ее получения.

Административные барьеры могут совпадать с понятием правовых дефектов в случае, когда они представляют собой пробелы, противоречия в нормативно-правовом регулировании административных процедур и их условий, дублирование нормативно-правового материала (например, в части полномочий и компетенций различных государственных органов, функционирующих в одной сфере), неясность в описании самой административной процедуры, сложные и многочисленные формы, для заполнения которых требуется привлечение посредников и др. Но административные барьеры нередко связаны с законодательной инфляцией [93], необоснованным увеличением нормативного материала, мешающим беспрепятственному осуществлению прав.

Однако барьеры могут быть вызваны и иными причинами: организационными, финансовыми, процессуальными, управленческими [56, с. 4–25]. Например, если срок для оказания публичной услуги установлен в 5 рабочих дней, а фактически она осуществляется в течение 30 рабочих дней, то такой административный барьер не может быть квалифицирован как дефект правовой нормы. В качестве административного барьера может выступить низкая квалификация должностных лиц, осуществляющих регистрацию, лицензирование, проверки хозяйствующих субъектов, что препятствует осуществлению прав и свобод, ведению деятельности. Однако она также не нормативный дефект: исключительно установлением нормативного обязательного требования о более высокой квалификации государственных служащих эффективность правового регулирования не повысится.

Дефекты нормативно-правового регулирования и дисбаланс законодательства. Дисбаланс свидетельствует о несоответствии, несимметричности, неровности определенных частей

the content of legal rules does not meet social expectations. For example, it is proposed to fix the duty of a prosecutor to make an apology to rehabilitated individuals, to prohibit the recovery of the amounts received by rehabilitated individuals as compensation for moral and property damage [17, pp. 45–52].

Anyway, legal defectology coincides with the doctrine of legal obstacles in its broad sense. And here the question may be raised whether the distinction between these concepts is useful: if there is a need for such duplication in the theoretic legal conceptual apparatus? At the same time, the defects of regulation substantially coincide with the legal obstacles that arise at the level of formation of the regulatory behavior model. However, regulatory legal obstacles should not be defined too widely, in particular, it is unacceptable to include in them any incorrect interpretation of the rules of law enforcement, and the absence of a “mature procedure” of implementation is also not allowed [34, pp. 80–82].

Regulatory Defects and Administrative Barriers. The issue of legal obstacles is closely related to the issue of administrative barriers in execution of rights and freedoms. The category of administrative barrier has not yet received a complete theoretical and legal content, what complicates it is the legal definition and the synonymous nature of the words “barrier” and “obstacle”. For the first time, the term “administrative barrier” was used in the Decree of the President of the Russian Federation “On Measures to Eliminate Administrative Barriers in the Development of Entrepreneurship”, however, today it is common and used in all areas of legal regulation. Administrative barriers emerge in the area of contact between public (executive) authorities and individuals, they are deemed as redundant public services [54, p. 9] the absence of which leads either to improvement in situation for individuals under control or a neutral effect on their position (situation), i.e. it does not change neither to the better nor to the worse [1, pp. 79–

88]. As well as legal obstacles, administrative barriers are understood in positive meaning [16, pp. 132–147], however, only adverse administrative barriers are associated with defects.

Both administrative barriers and legal defects affect the final effectiveness of legal regulation. In the presence of administrative barriers, efforts (time, financial, procedural, intellectual, technical) for getting a public service significantly exceed the positive result from its receipt.

Administrative barriers may coincide with the concept of legal defects when they are represented by gaps, contradictions in the regulation of administrative procedures and their conditions, duplication of regulatory material (for example, in terms of powers and competencies of various government agencies), ambiguity in description of the administrative procedure itself, complex and numerous forms (blanks) to fill in, which requires involvement of intermediaries etc. On the other hand, administrative barriers are often associated with legislative inflation [93], unjustified increase in regulatory materials that hinders unrestricted execution of rights.

However, barriers may be caused by other reasons: organizational, financial, procedural, managerial [56, pp. 4–25]. For example, if the time for rendering public service is 5 working days while in fact it takes 30 business days, such administrative barrier cannot be qualified as a defect in the legal rule. Low qualification of the officials who make registration, licensing, inspections of economic entities, which impede execution of rights and freedoms and business activities, can act as an administrative barrier. However, it is also not a regulatory defect: the effectiveness of legal regulation can not be increased solely by establishing a regulatory mandatory requirement to improve qualification of the government employees.

Defects of Legal Regulation and Imbalance of Legislation. Imbalance testifies to the inconsistency, asymmetry, unevenness of certain parts and

и элементов явлений и процессов, ведущих к нарушению равновесия всего механизма. Дисбаланс и баланс – объективное свойство любой развивающейся системы, находящейся под воздействием единства и борьбы противоречий: баланс компонентов, с одной стороны, преодолевает дисбаланс, с другой стороны, его продуцирует. Объективный характер дисбаланса правовой среды может обуславливать как положительное, так и отрицательное воздействие на систему права и законодательства [65, с. 91–92]. Значительное преобладание одной из сторон противоречия (противоположных тенденций) и приводит к опасному дисбалансу, требующему мер по его исправлению. Нормативно-правовой материал формируется и действует на фоне противостояния обстоятельства и оперативности, специализации и унификации, традиционных подходов и инноваций, централизации и децентрализации. При этом нормативно-правовое регулирование должно быть и стабильным и гибким, и устойчивым и адаптирующимся к новым общественным условиям и задачам.

Следует заметить, что сам термин «дисбаланс» часто используется в правовых разработках в некотором общеупотребительном смысле, без глубокого теоретико-правового контекста этого понятия.

В немногочисленных исследованиях, специально посвященных дисбалансу в праве, сделано несколько выводов, имеющих принципиальное значения для определения соотношения дисбаланса и дефекта.

С. А. Белоусов под законодательным дисбалансом предлагает понимать «объективно обусловленный, детерминированный уровнем и условиями общественного развития, имманентно присущий законодательству динамичный процесс, выражающийся либо в несогласованности, несоответствии образующих его структуру и содержание элементов (подсистем), либо в неравновесии, неравнозначности используемых им средств, а также в диспропорции между тенденциями законодательства к устойчивости и стремлением к стабильности, специализацией и унификацией нормативно-правовой материи, в каждом из перечисленных случаев создающих препятствия в правовом урегулировании общественных отношений» [12, с. 35–40].

Негативный дисбаланс законодательства мешает эффективному правовому регулированию, и именно в таком понимании он смежен с правовыми дефектами. Дисбаланс характерен для парных подсистем права и законодательства в целом: материальное и процессуальное, публичное и частное, международное и национальное и др. Возможен дисбаланс между целью и средствами правового регулирования или между однопорядковыми правовыми явлениями (права и обязанности, запреты и дозволения, наказания и поощрения) [11, с. 11–16]. Имеется и более широкий взгляд на дисбаланс в праве – между правовой нормативностью и правовой реальностью [66, с. 17–23], который обуславливает возникновение дефектов на уровне правосознания (правовой нигилизм, правовой идеализм).

По мнению С. А. Белоусова, соотношение законодательного дисбаланса и правового дефекта следует искать в статике и динамике системы права. Правовой дефект – статический недостаток законодательства, он строго локализован, может быть быстро обнаружен. В то время как дисбаланс права более фундаментальная и сложная категория, она отражает недостатки динамики взаимодействия элементов правовой системы, не имеет строгих границ своего проявления и требует больших усилий, в том числе межотраслевых, по обнаружению и фиксации. Фрагментарные проявления дисбаланса в тексте нормативного акта соотносятся с дефектами как целое и часть. При этом дефекты могут являться и причинами и следствиями дисбаланса. Принимая в целом позицию ученого, трудно согласиться с автором в том, что «дефект в системе есть статичное явление, не вызывающее само по себе изменение общего ее состояния. Дефект снижает лишь функциональные возможности конкретного элемента системы или ее подсистемы как его носителя. Дисбаланс же системы существенно влияет не только на отношение и связи между конкретными ее элементами, но и оказывает определенное воздействие в большинстве случаев на общее состояние системы» [10, с. 62–72; 13, с. 127–135]. Снижение регулятивных и охранительных функций правовых норм из-за наличия нормативных дефектов непосредственно влияет на состояние системы права в целом. Кроме того, недостатки норм права касаются не толь-

elements of phenomena and processes leading to the imbalance of the whole mechanism. Imbalance/balance is an objective property of any developing system under the influence of unity and struggle of opposites: on the one hand, balance of components overcomes imbalance, on the other hand, – it produces imbalance. The objective nature of imbalance of the legal environment can cause both positive and negative impact on the system of law and legislation [65, pp. 91–92]. A significant predominance of one of the parties of the contradiction (opposing tendencies) leads to a dangerous imbalance requiring corrective measures. Regulatory material is formed and acts on the background of opposition of thoroughness and operational efficiency, specialization and unification, traditional approaches and innovations, centralization and decentralization. At the same time, the legal regulation should be both stable and flexible, and sustainable and adaptable to new social conditions and challenges.

It should be noted that the term “imbalance” itself is often used in legal developments in a commonly used sense, without any deep legal theoretical context of this concept.

In the few studies specifically dedicated to imbalance in law, several conclusions have been made that are of fundamental importance for determining the ratio of imbalance and defect.

S.A. Belousov proposes that the term “legislative imbalance” to be understood as “objectively conditioned, determined by the level and conditions of social development, an inherently peculiar of legislation dynamic process, expressed either in inconsistency, mismatch of the elements (subsystems) forming its structure and content, or imbalances, unevenness of the means it uses, and imbalances between trends in legislation towards sustainability and the desire for stability, specialization and unification of regulation and law materiality, in any of these cases, it creates obstacles in legal regulation of social relations” [12, pp. 35–40].

The negative imbalance of legislation hinders effective legal regulation, and in this understanding

it is adjacent to legal defects. Imbalance is typical of the paired subsystems of law and legislation in general: material and procedural, public and private, international and national, etc. There can be an imbalance between the goal and means of legal regulation or between one-order legal phenomena (rights and obligations, prohibitions and permissions, punishments and encouragement) [11, pp. 11–16]. There is also a broader view of imbalance in law – between legal normativity and legal reality [66, pp. 17–23] which causes the occurrence of defects at the level of legal consciousness (legal nihilism, legal idealism).

According to S.A. Belousov, the ratio of legislative imbalance and legal defect should be sought in statics and dynamics of the legal system. Legal defect is a static lack of legislation, it is strictly localized, it can be quickly detected. While the imbalance of law is a more fundamental and complex category, it reflects the shortcomings of the dynamics of interaction of elements of the legal system, it does not have strict limits of its manifestation, and it requires great efforts – including cross-branch ones – for such imbalance to be detected and fixed. Fragmentary manifestations of imbalance in the text of a regulatory act are correlated with defects as a whole and a part. However, defects can be both causes and consequences of imbalance. Taking the position of the author as a whole, we could hardly agree with the author that “a defect in a system is a static phenomenon that itself does not cause a change in its general state. A defect reduces only functional capabilities of a specific element of the system or its subsystem as its carrier. The imbalance of the system significantly affects not only the relations and links between its specific elements but also has a certain effect on the general state of the system in most cases” [10, pp. 62–72; 13, pp. 127–135]. The reduction of regulatory and protective functions of legal rules due to the presence of regulatory defects directly affects the state of the legal system as a whole. In addition, the shortcomings of legal rules relate not only to the

ко содержания и формы, но и их структуры и, следовательно, взаимодействия и взаимосвязей ее элементов, что также относится не к статике, а динамике права.

Отсутствие, например, у материального правоотношения соответствующей процессуальной формы свидетельствует одновременно и о дисбалансе между материальным и процессуальным правом и о соответствующем пробеле нормативно-правового регулирования. Вероятно, именно поэтому в теории права категории дефекта и дисбаланса практически сливаются. Если одни ученые считают, что локальные нормативные дефекты при достижении определенной критической массы способны привести к законодательному дисбалансу, то другие полагают, что именно «локальные дисбалансы (то есть дисбалансы внутри отдельных правовых институтов, отраслей права и законодательства, а также дисбалансы между отраслевыми нормами) подвержены кумулятивному эффекту и приводят к дисбалансу общества и правовой системы» [90, с. 95].

Мнения ученых о правовом дисбалансе во многом связаны с пониманием равенства, справедливости, назначения и обоснованности права как общепризнанного регулятора. На это обстоятельство обращается внимание и в зарубежной литературе: «Вопрос “справедливости” является важным для устранения дисбаланса между организациями, занимающимися большими данными, и отдельными субъектами данных, с рядом этических и социальных последствий, которые необходимо оценить» [95]. В конечном итоге представления о том, каков должен быть правовой баланс, относятся в большей степени к стадии правовой идеологии. Например, меры поощрения, применяемые к военнослужащим, отбывающим наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части, отличаются от поощрений лиц, находящихся в местах лишения свободы, различен и порядок их применения. В доктрине указывается на то, что подобное несоответствие сигнализирует о неравном положении осужденных, нарушении баланса [64, с. 11–19]. Обращается внимание на дисбаланс в гарантиях процессуальных иммунитетов лиц, обладающих одинаковой общественной значимостью (депутатов, судей, адвокатов и др.), в различных формулах и формах однотипных гарантий [39, с. 115–123],

дисбаланс полномочий [2, с. 28–35], дисбаланс интересов [6, с. 89–103], непропорциональность правовых возможностей субъектов одного правоотношения [7, с. 87–94], диспропорции между тяжестью правонарушения и строгостью наказания, между юридической ответственностью родственных субъектов [68, с. 127–138]. Однако это не вопрос нормативной дефектности, в т.ч. противоречивости или неясности соответствующих норм, это вопрос политико-правовых взглядов на равновесность статусов однопорядковых субъектов, на согласованность прав, интересов и притязаний различных субъектов правоотношений.

Законодательный дисбаланс представляет собой более объемное, сложное и фундаментальное явление в праве, чем нормативно-правовой дефект. Дисбаланс законодательства проявляется в механизме правового регулирования в целом, в рассогласованности действия его элементов. Он учитывает множество разнопорядковых, разноуровневых, разноэлементных, разнопричинных и разновременных факторов, условий и обстоятельств функционирования правовой системы. Дисбаланс охватывает не только вопросы дефектности и бездефектности законодательства, но и соотношения равенства и привилегий, общих правил и исключений, устойчивости и динамизма, интересов общества и индивида, пропорций и диспропорций и других правовых дихотомий. Дисбаланс между федеральным и региональным законодательством далеко не тождествен коллизиям между нормативными актами соответствующих уровней. Дефекты нормативно-правового регулирования могут являться одной из причин законодательного дисбаланса, его сигнализатором, а также одной из форм его существования. При этом частные, фрагментарные нормативные дефекты, как правило, не приводят к разбалансировке законодательства.

Дефекты нормативно-правового регулирования и нейтрализация права. Теории права известна такая категория, как «нейтрализация правовых норм» – это ситуация, при которой действие одних норм (или их отсутствие) приводит к частичному ограничению или полной блокировке действия другой нормы. Нейтрализация, фактическое бездействие права, может быть вызвано множеством причин, в том числе лежащих в смежных с правом политической,

content and form but also to their structure, and, consequently, the interaction and interrelationships of its elements which also applies to the dynamics of law, not statics.

For example, the fact that material legal relations do not have an appropriate procedural form testifies at the same time to the imbalance between substantive and procedural law and the corresponding gap in the legal regulation. This is probably why, in the theory of law, the categories of defect and imbalance practically merge. While some scholars believe that local regulatory defects, when reaching a certain critical mass, can lead to legislative imbalance, others believe that it is “local imbalances (i.e., imbalances within individual legal institutions, branches of law and legislation, as well as imbalances between industry regulations) are subject to cumulative effect and lead to an imbalance of society and legal system” [90, p. 95].

The opinions of scholars on the legal imbalance are largely related to understanding of equality, fairness, purpose, and the validity of law as a commonly recognized regulator. This circumstance is also in focus in the foreign literature: “The issue of “justice” is important for eliminating the imbalance between big data organizations (companies) and individual data subjects with a number of ethical and social consequences that need to be evaluated” [95]. Ultimately, ideas about what a legal balance should be relate, to a greater degree, to the stage of legal ideology. For example, the incentives applied to military people serving a sentence in the form of detention in a disciplinary military unit differ from the incentives of people in places of deprivation of liberty, and their application is different. The doctrine indicates that such a discrepancy signals the unequal situation of convicts, the imbalance [64, pp. 11–19]. Attention is drawn to the imbalance in guarantees of procedural immunities of individuals of the same social significance (deputies, judges, lawyers, etc.), in different formulations of the same type of guarantees [39, pp. 115–123], the imbalance of authority [2, pp. 28–

35], the imbalance of interests [6, pp. 89–103], disproportionate legal capacity of subjects of a single legal relationship [7, pp. 87–94], disproportions between the severity of the offense and the severity of punishment, between the legal liability of related subjects [68, pp. 127–138]. However, this is not a matter of regulatory deficiencies, including the inconsistency or ambiguity of the relevant rules; it is a matter of political and legal views on the equality of statuses of single-order subjects, on the consistency of the rights, interests and claims of various subjects of legal relations.

Legislative imbalance is a more extensional, complex and fundamental phenomenon in law than a legal defect. The imbalance of legislation is manifested in the mechanism of legal regulation in general, in the inconsistency of action of its elements. It takes into account many multi-order, multi-level, multi-elements, multi-reasons and multi-time factors, conditions and circumstances of the legal system functioning. The imbalance covers both the issues of defectiveness and defect-free legislation and also the ratio of equality and privileges, general rules and exceptions, stability and dynamics, the interests of society and individual, proportions and disproportions and other legal dichotomies. The imbalance between federal and regional legislation is far from being identical with collisions between regulation acts of the respective levels. Defects of legal regulation can be one of the causes of legislative imbalance, its signal sign, as well as one of the forms of its existence. At the same time, private, fragmentary regulatory defects, as a rule, do not lead to imbalance of legislation.

Defects of Legal Regulation and Neutralization of Law. The theory of law knows such a category as the “neutralization of legal rules” – this is a situation when the action of some rules (or their absence) leads to a partial restriction or complete blocking of the action of another rule. Neutralization, the actual inaction of law, can be caused by many reasons, including those located in political,

социально-экономической, психолого-культурологической, идеологической сферах.

Среди путей нейтрализации права называют: отсутствие процессуального порядка защиты материального права; наличие усложненного порядка защиты, когда затраты на защиту права не коррелируют получаемому результату (восстановлению права); чрезмерное упрощение процессуальных процедур, приводящее к грубейшим нарушениям прав человека [26, с. 72–75].

Правовое требование гендерного равенства, например, в трудовом праве сталкивается с множеством норм, гарантирующих повышенную защиту труда женщин (ст. 258, 259, 261 и др. ТК РФ). Безусловное соблюдение всех нормативных требований нередко фактически нивелирует право на труд женщин, поскольку работодатель не всегда готов соблюдать и обеспечивать необходимые гарантии.

Сходство между дефектами и нейтрализацией права лежит в сфере эффективности, выполнения нормой права своих функций, достижения результата, который видел законодатель при ее создании. Нормотворческие правовые дефекты, действительно, препятствуют действию права. Отсутствие правовой нормы, необходимой для реализации другой правовой нормы в качестве обязательного условия, представляет собой пробел в праве и является дефектом. Нарушение структурной организации нормы права также приводит к невозможности ее реализации и свидетельствует о дефекте ее внутренней формы.

Однако нейтрализация, как особый вид замедления действия правовой нормы, не связана с нормативной дефектностью, а вызвана определенной государственной, в том числе правотворческой, политикой. В частности, о нейтрализации права говорят при невозможности реализовать правовую норму без особого дозволения или в случае приложения дополнительных усилий со стороны заинтересованных лиц [27, с. 222–229].

При сравнении нейтрализации и дефектов в праве необходимо также различать соотношение общих и конкретизирующих правовых норм и учитывать необходимость совмещения законодательного и административного нормотворчества [94; 99]. Установление детальной

процедуры реализации права, необходимость получения разрешений, лицензий и согласований далеко не всегда свидетельствуют о нейтрализации правовых норм. Правомерный отказ в регистрации политической партии или общественного объединения не блокирует действие конституционного права граждан на объединение, так же как согласование с публичной властью места и времени проведения митинга не нейтрализует свободу собраний и право на петиции.

Хотя нейтрализацию права зачастую описывают как некоторое конфликтное соотношение двух правовых норм или даже систем права (материальное и процессуальное) [29, с. 112–119], такой конфликт не является правовой коллизией в терминологии правовой дефектологии. Коллизия правовых норм заключается в том, что структурный элемент одной нормы содержательно противоречит аналогичному структурному элементу другой нормы. При нейтрализации правовые нормы содержательно однонаправлены, но действие правовой нормы фактически нивелируется действием другой нормы (чаще всего из-за чрезмерной или недостаточной детализации). Проблемы нейтрализации актуальны только для правовых норм, которые функционируют в едином комплексе. Нормативные дефекты обнаруживаются и в нормах, не объединенных комплексным действием. Различение дефектов и нейтрализации представляется важным, поскольку принципиально различаются системы мер их предупреждения и устранения. При нейтрализации права, например, способы разрешения коллизий между правовыми нормами не действуют.

Заключение

Таким образом, под дефектами нормативно-правового регулирования (как нормативной части механизма правового регулирования в целом) следует понимать недостатки (несоответствие стандарту качества) социальной значимости, содержания, внешней формы и структуры норм права, а также их содержащих нормативно-правовых актов, приводящие к снижению эффективности, неэффективности либо антиэффективности нормативно-правового регулирования общественных отношений.

Понятие правовых дефектов значительно шире понятия дефектов нормативно-правового

social and economic, psychological, cultural, and ideological areas adjacent to law.

Among the ways of law neutralization is the lack of a procedural sequence for protection of substantive law; the presence of a more complicated procedure of protection, when the costs for protection of right do not correlate to the result (recovery of right); excessive simplification of procedural sequences leading to gross violations of human rights [26, pp. 72–75].

The legal requirement of gender equality, for example, in the labor law area is confronted with multiple rules guaranteeing increased protection of women's labor (Articles 258, 259, 261, etc. of the Labor Code of the Russian Federation). Unconditional compliance with all regulatory requirements often effectively negates the right to work for women, since an employer is not always ready to meet and provide the necessary guarantees.

The similarity between defects and the law neutralization lies in the area of efficiency, the performance of its functions by legal rule, and achievement of the result that the legislator saw when creating it. Rule-making legal defects, in fact, hinder the operation of the law. The absence of a legal rule necessary for implementation of another legal rule as an obligatory condition is a gap in the law and is deemed a defect. Violation of the structural organization of the legal rule also leads to impossibility of its implementation and indicates a defect in its internal form.

However, neutralization as a specific kind of slowing down the effect of a legal rule is not associated with regulatory deficiencies but is caused by a certain state, including legislative policy. In particular, the neutralization of law is mentioned when it is impossible to implement a legal rule without special permission or when additional efforts are made by the parties concerned [27, pp. 222–229].

When comparing neutralization and defects in law, it is also necessary to distinguish the ratio of general and specific legislation and take into account the need to combine legislative and administrative rule-making [94; 99]. The establishment of

a detailed procedure for the law implementation, the need to obtain permits, licenses and approvals not in every instance indicate a neutralization of legal rules. A legitimate refusal to register a political party or public association does not block the effect of constitutional right of citizens to associate, just as agreeing with the public authority the place and time of rally (meeting) does not neutralize the freedom of assembly and the right to petition.

Although neutralization of law is often described as a conflict ratio of two legal rules or even legal systems (substantive and procedural) [29, pp. 112–119], such a conflict is not a legal collision in the terminology of legal defectology. The collision of legal rules lies in the fact that the structural element of one rule substantively contradicts the similar structural element of another rule. When neutralizing, legal rules are substantively one-directional but the effect of the legal rule is actually leveled by the action of another rule (most often due to excessive or insufficient detailing). The problems of neutralization are relevant only for legal rules that operate within a single complex. Regulatory defects are also detected in norms that are not united by a complex action. The distinction between defects and neutralization is important, since the systems of measures to prevent and eliminate them are fundamentally different. When neutralizing the law, ways to settle conflicts between legal rules do not work.

Conclusions

Thus, defects of the legal regulation (as the regulatory part of the legal regulation mechanism as a whole) should be understood as flaws (inconsistency with the quality standard) of social significance, content, external form and structure of legal rules, as well as all the regulatory legal acts containing them, which lead to decrease in efficiency, inefficiency or anti-efficiency of the legal regulation of public relations.

The concept of legal defects is much broader than the concept of regulatory defects, and covers legal procedural defects, defects in legal relations, defects in legal facts, defects in law enforcement,

регулирующие и охватывает собой правовые процедурные дефекты, дефекты правоотношений, дефекты юридических фактов, дефекты правоприменения, дефекты правосознания и другие дефекты правовых явлений. Правовые дефекты должны стать предметом изучения самостоятельного раздела теории права – правовой дефектологии. Нормативно-правовые дефекты находятся в одном категориальном ряду с понятиями «качества права» и «эффективность права». Дальнейшее формирование правовой дефектологии возможно только при параллельной разработке теории правового качества и правовой эффективности.

Пониманию правовой сущности нормативных дефектов в значительной степени способствует определение их места в системе правовых недостатков (несовершенств). В частности, дефекты нормативно-правового регулирования должны быть отграничены от правовых ограничений, юридических препятствий, законодательного дисбаланса, административных барьеров и нейтрализации действия права. Основанием для их сравнения является наличие общего признака – негативного влияния на эффективность правового регулирования. Нормативно-правовые дефекты хотя и пересекаются с указанными правовыми недостатками, имеют свое собственное содержание и возглавляют самостоятельный понятийный ряд, к которому субординируются правовые неопределенности, коллизии, неясности, пробелы, алогизмы и другие недостатки нормативно-правовой материи.

Библиографический список

1. Агамагомедова С. А. Административные барьеры при прохождении таможенного контроля: понятие, виды и способы преодоления // Журнал российского права. 2017. № 6.
2. Амирбеков К. И. Баланс полномочий прокурора и руководителя следственного органа: концептуальный подход // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 1 (33).
3. Андреев Д. С. Дефектные административно-правовые акты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 7.
4. Андреев Д. С. Понятие дефектного административно-правового акта // Административное право и процесс. 2010. № 6.
5. Андреев Д. С. Процедурные дефекты административно-правовых актов // Журнал российского права. 2016. № 4.

6. Антопольский А. А. Правовые проблемы обеспечения баланса интересов при регулировании отношений по поводу информации конфиденциального характера // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 3.
7. Бахтадзе Г. Э. Необходимость надления стороны защиты правом назначения судебных экспертиз // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2014. № 11–12 (122).
8. Белоусов В. А. Дефекты сложных фактических составов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 2.
9. Белоусов С. А. Дисбаланс российского законодательства и информационная избыточность нормативно-правового текста: соотношение и взаимосвязь // Правовая культура. 2015. № 4.
10. Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс: доктрина, теория, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015.
11. Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс: основные модели // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, № 4.
12. Белоусов С. А. Научная абстракция «законодательный дисбаланс» в понятийных рядах общей теории права // Современное общество и право. 2015. № 4 (21).
13. Белоусов С. А. Соотношение понятий «дисбаланс» и «дефект» в исследовании системы российского законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3 (104).
14. Борцов А. В. Классификация юридических препятствий // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 3 (44).
15. Борцов А. В., Кандаков А. Ю. «Юридические препятствия» в понятийно-категориальном аппарате правовой науки // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2017. Т. 27, № 4.
16. Бочарникова Н. А. Административная реформа как барьер для формирования административных ошибок // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2010. № 2 (9).
17. Брестер А. А. Юридические препятствия в реализации права на реабилитацию в российском уголовном процессе // Государство и право. 2015. № 9.
18. Виноградов Т. П. Алгоритм разработки законопроекта: между искусством и технологией // Государство и право. 2017. № 11.

defects in legal awareness and other defects in legal phenomena. Legal defects should be the subject matter of the independent branch of the theory of law – legal defectology. Legal defects are in the same category line with the concepts of “quality of law” and “effectiveness of law”. Further formation of legal defectology is possible only with parallel development of the theory of legal quality and legal effectiveness.

Understanding the legal nature of regulatory defects is greatly facilitated by determining their place in the system of legal deficiencies (imperfections). In particular, regulatory defects must be distinguished from legal restrictions, legal obstacles, legislative imbalance, administrative barriers and neutralization of the law. The basis for their comparison is the presence of a common feature – a negative impact on the effectiveness of legal regulation. Legal defects, although they intersect with the discussed legal flaws (shortcomings), have their own content and govern an independent conceptual line, where legal uncertainties, collisions, ambiguities, gaps, alogisms, and other deficiencies in regulatory matter are subordinated.

References

1. Agamagomedova S. A. *Administrativnye bar'ery pri prokhozhenii tamozhennogo kontrolya: ponyatie, vidy i sposoby preodoleniya* [Administrative Barriers for Customs Control: Concept, Types and Overcoming Methods]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. 2017. Issue 6. Pp. 79–88. (In Russ.).
2. Amirbekov K. I. *Balans polnomochij prokurora i rukovoditelya sledstvennogo organa: konceptual'nyj podkhod* [Balance of Powers between a Public Prosecutor and a Head of Investigation Agency: a Conceptual Approach]. *Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii – Bulletin of the Academy of the R.F. Prosecutor General's Office*. 2013. Issue 1 (33). Pp. 28–35. (In Russ.).
3. Andreev D. S. *Defektnye administrativno-pravovye akty: dis. ... kand. jurid. nauk* [Defective Administrative and Legal Acts: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2011. 218 p. (In Russ.).
4. Andreev D. S. *Ponyatie defektnogo administrativno-pravovogo akta* [The Notion of a Defective Administrative Act]. *Administrativnoe pravo i process – Administrative Law and Procedure*. 2010. Issue 6. Pp. 12–14. (In Russ.).
5. Andreev D. S. *Procedurnye defekty administrativno-pravovykh aktov* [Procedural Defects of Administrative Acts]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. 2016. Issue 4. Pp. 81–92. (In Russ.).

6. Antopol'skiy A. A. *Pravovye problemy obespecheniya balansa interesov pri regulirovanii otnoshenij po povodu informacii konfiden-cial'nogo kharaktera* [Legal Issues of Balance of Interests in Regards to Confidential Information Relations]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk – Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2016. Issue 3. Pp. 89–103. (In Russ.).
7. Bakhtadze G. E. *Neobkhdimost' nadeleniya storony zaschity pravom naznacheniya sudebnykh ekspertiz* [Necessity of Investment Defense Party with Right to Appoint Any Forensic Expertises]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya – Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*. 2014. Issue 11–12 (122). Pp. 87–94. (In Russ.).
8. Belousov V.A. *Defekty slozhnykh fakticheskikh sostavov* [Defects of Complex Sets of Facts]. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika – Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2018. Issue 2. Pp. 7–13. (In Russ.).
9. Belousov S.A. *Disbalans rossijskogo zakonodatel'stva i informacionnaya izbytochnost' normativno-pravovogo teksta: sootnoshenie i vzaimosvyaz'* [Imbalances of Russian Legislation and the Informational Redundancy of a Legal Regulatory Text: the Balance and Interrelationship between Them]. *Pravovaya kul'tura – The Legal Culture*. 2015. Issue 4. Pp. 48–57. (In Russ.).
10. Belousov S.A. *Zakonodatel'nyj disbalans: doktrina, teoriya, praktika: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Legislative Imbalance: Doctrine, Theory, Practice: Dr. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2015. Pp. 62–72. (In Russ.).
11. Belousov S.A. *Zakonodatel'nyj disbalans: osnovnye modeli* [Legislative Disbalance: Basic Models]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. 2014. Vol. 156. Issue 4. Pp. 11–16. (In Russ.).
12. Belousov S.A. *Nauchnaya abstrakciya “zakonodatel'nyj disbalans” v ponyatijnykh ryadakh obshchej teorii prava* [Scientific Abstraction “Legislative Imbalance” in the Conceptual Rows of the General Theory of Law]. *Sovremennoe obshchestvo i pravo – Modern Society and Law*. 2015. Issue 4 (21). Pp. 35–40. (In Russ.).

19. Власенко Н. А. Логико-структурные дефекты системы советского права // Правоведение. 1991. № 3.
20. Габбасов Р. А. Качество закона и вопросы регулирования оборота недвижимости // Бюллетень нотариальной практики. 2005. № 3. С. 22.
21. Гаджиев Г. А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4.
22. Гатилова А. С. Качество законов как объект прогнозирования // Юридическая наука. 2012. № 4. С. 4–7.
23. Головина С. Ю. Дефекты Трудового кодекса России и способы их устранения // Юрист. 2008. № 4. С. 23. С. 23–26.
24. Грачев С. А. К вопросу о качестве уголовно-процессуального закона, регламентирующего статус некоторых участников судопроизводства // Вестник Нижегородской академии МВД России. Юридическая наука и практика. 2013. № 22.
25. Давыдова М. Л. Явные и неявные ошибки законодателя: проблемы классификации и правовые последствия // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах: материалы междунар. науч.-практ. круглого стола (29–30 мая 2008 г.). М.: Проспект, 2009.
26. Денисов С. А. Нейтрализация норм материального права с помощью норм процессуального права // Российский юридический журнал. 2003. № 2 (38).
27. Денисов С. А. Юридические конструкции, используемые для нейтрализации норм права // Юридическая техника. 2013. № 7–2.
28. Дондоков Ж. Д. К вопросу о качестве законов в Российской Федерации // Современные проблемы правотворчества и правоприменения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2018.
29. Донцова К. Б. Негативные формы проявления взаимосвязи материального и процессуального права // Правовая культура. 2018. № 2 (33).
30. Жильцов М. А. Дефекты трудового права и способы их преодоления: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011.
31. Жинкин С. А. Некоторые методологические аспекты исследования эффективности норм права // Юридический мир. 2007. № 4. С. 4.
32. Жинкин С. А. Психологические проблемы эффективности права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2009. 373 с.
33. Жинкин С. А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009.
34. Зайцева Е. Р., Панченко В. Ю. Причины возникновения нормативных юридических препятствий в реализации конституционных прав и свобод личности в российской федерации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12–2 (50).
35. Зайчиков Я. В. Понятие и общая характеристика юридических препятствий // Вестник Владимирского юридического института. 2013. № 4 (29).
36. Зуев О. М. Юридически дефектные нормативные правовые акты в системе источников права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 6. 193 с.
37. Игнатенко В. В. Правовое качество законов об административных правонарушениях. Иркутск, 1998.
38. Игнатенко В. В. Правовое качество законов об административных правонарушениях: Теоретические и прикладные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 343 с.
39. Казаков А. А. Дисбаланс в правовом регулировании процессуальных иммунитетов в сфере уголовного судопроизводства // Lex russica. 2016. № 4.
40. Каменева Е. Н. Дефектные акты органов законодательной и исполнительной власти: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 199 с.
41. Картухин В. Ю. Техно-юридическое качество законов субъектов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 169 с.
42. Кисличенко Е. И. Дефекты законодательства субъектов Российской Федерации в сфере местного самоуправления: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. 253 с.
43. Клейн Н. И. Влияние качества законов на их исполнение: проблемы и перспективы их разрешения (интервью) // Административное право. 2011. № 4. С. 7–14.
44. Кожокарь И. П. К вопросу о понятии и характерных особенностях дефектов механизма гражданско-правового регулирования вещных отношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 33. С. 298–303. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-298-303.
45. Козлов В. А. Вопросы теории эффективности правовой нормы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1972. С. 9.
13. Belousov S.A. Sootnoshenie ponyatij "disbalans" i "defekt" v issledovanii sistemy rossijskogo zakonodatel'stva [The Relationship between the Concepts of "Imbalance" and "Defect" in the Study of the System of Russian Legislation]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii* – Saratov State Law Academy Bulletin. 2015. Issue 3 (104). (In Russ.).
14. Borcov A.V. Klassifikaciya yuridicheskikh prepyatstvij [Classification of Legal Objections]. *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta* – Bulletin of Vladimir Law Institute. 2017. Issue 3 (44). Pp. 157–163. (In Russ.).
15. Borcov A.V., Kandakov A.Yu. «Yuridicheskie prepyatstviya» v ponyatijno-kategorial'nom apparate pravovoj nauki ["Legal Obstacles" in the Framework of Categories and Concepts of Jurisprudence]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo* – Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law. 2017. Vol. 27. Issue 4. P. 92. (In Russ.).
16. Bocharnikova N.A. Administrativnaya reforma kak bar'er dlya formirovaniya administrativnykh oshibok [Administrative Reform as a Barrier to the Formation of Administrative Mistakes]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* – Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2010. Issue 2 (9). Pp. 132–147. (In Russ.).
17. Brester A.A. Yuridicheskie prepyatstviya v realizacii prava na rehabilitaciyu v rossijskom ugolovnom processe [Legal Obstacles to the Realization of the Right to Rehabilitation in the Russian Criminal Process]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2015. Issue 9. Pp. 45–52. (In Russ.).
18. Vinogradov T.P. Algoritm razrabotki zakonoproekta: mezhdru iskusstvom i tekhnologiej [Algorithm of the Legislative Drafting: between Art and Technology]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2017. Issue 11. Pp. 106–109. (In Russ.).
19. Vlasenko N.A. Logiko-strukturnye defekty sistemy sovet'skogo prava [Logical Structural Defects in the System of Soviet Law]. *Pravovedenie* – Pravovedenie. 1991. Issue 3. Pp. 21–26. (In Russ.).
20. Gabbasov R.A. Kachestvo zakona i voprosy regulirovaniya oborota nedvizhimosti [The Quality of the Law and the Regulation of Real Estate Turnover]. *Byulleten' notarial'noj praktiki* – Bulletin of Notary Practice. 2005. Issue 3. P. 32–35. (In Russ.).
21. Gadzhiev G.A. Princip pravovoj opredelenosti i rol' sudov v ego obespechenii. Kachestvo zakonov s rossijskoj tochki zreniya [Principle of Legal Certainty and its Provision by the Courts. Quality of Laws from Russian Viewpoint]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obzrenie* – Comparative Constitutional Review. 2012. Issue 4. Pp. 16–28. (In Russ.).
22. Gatilova A.S. Kachestvo zakonov kak ob'ekt prognozirovaniya [Quality of Laws as a Projectandum]. *Yuridicheskaya nauka* – Legal Science. 2012. Issue 4. P. 6. Pp. 4–7. (In Russ.).
23. Golovina S.Yu. Defekty Trudovogo kodeksa Rossii i sposoby ikh ustraneniya [Defects of the Labor Code of Russia and Ways to Eliminate Them]. *Yurist* – Jurist. 2008. Issue 4. Pp. 23–26. (In Russ.).
24. Grachev S. A. K voprosu o kachestve ugolovno-processual'nogo zakona, reglamentiruyushchego status nekotorykh uchastnikov sudoproizvodstva [On the Question of the Quality of the Criminal Procedure Code Regulating the Status of Several Participants of the Court Proceedings]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii* – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. Issue 22. Pp. 243–244. (In Russ.).
25. Davydova M. L. Yavnye i neyavnye oshibki zakonodatel'ya: problemy klassifikacii i pravovye posledstviya [Explicit and Implicit Mistakes of Legislator: Problems of Classification and Legal Consequences]. *Pravotvorcheskie oshibki: ponyatie, vidy, praktika i tekhnika ustraneniya v postsovet'skikh gosudarstvakh: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. kruglogo stola (29–30 maya 2008 g.)* [Law-Making Mistakes: Concept, Types, Practice and Technique of Elimination in Post-Soviet States: Proceedings of International Scientific-Practical Round Table (May 29–30, 2008)]. Moscow, 2009. Pp. 317–326. (In Russ.).
26. Denisov S. A. Nejtalizaciya norm material'nogo prava s pomoshch'yu norm processual'nogo prava [Neutralization of Rules of Substantive Law with the Help of Rules of Procedural Law]. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal* – Russian Juridical Journal. 2003. Issue 2 (38). Pp. 72–75. (In Russ.).
27. Denisov S. A. Yuridicheskie konstrukcii, ispol'zuemye dlya nejtalizacii norm prava [Legal Constructions Used to Neutralize the Rules of Law]. *Yuridicheskaya tekhnika* – Juridical Techniques. 2013. Issue 7–2. Pp. 222–229. (In Russ.).

46. Корчагин А. Г. Правовая политика: пробелы и дефекты, коллизии // Сб. науч. тр. 2011. Т. 27, № 4.
47. Кудрявцев Ю. В. Нормы права как социальная информация. М., 1981. 144 с.
48. Кутафин О. Е. Пробелы, аналогия и дефекты в конституционном праве // LexRussica. 2007. Т. LXVI, № 4.
49. Малько А. В. Стимулы и ограничения как средства правового воздействия // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 640 с.
50. Матейкович М. С. Дефекты конституционно-правового регулирования в Российской Федерации // Государство и право. 2007. № 12.
51. Муругина В. В. Дефектность юридических фактов как негативная черта правовой системы: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010.
52. Мушинский М. А. Проблемы диагностики правотворческих дефектов / Ин-т законодательства и правовой информации им. М. М. Сперанского; Фонд «Право и демократия». Иркутск, 2009.
53. Мушинский М. А. Проблемы диагностики правотворческих дефектов: науч.-практ. пособие. Иркутск, 2009.
54. Нарышкин С. Е., Хабриева Т. Я. Административная реформа в России: некоторые итоги и задачи юридической науки // Журнал российского права. 2006. № 11.
55. Никитинский В. И. Эффективность норм трудового права. М.: Юрид. лит., 1971. 248 с.
56. Новоселова Л. А., Гринь О. С. Эффективность правовой охраны объектов интеллектуальных прав: административные барьеры // Журнал Высшей школы экон омики. 2018. № 2.
57. Нуркаева Т. Н. О качестве уголовного закона на примере раздела VII УК РФ, предусматривающего ответственность за преступления против личности // Вестник ВЭГУ. 2017. № 6 (92).
58. Панченко В. Ю. О понятии юридических препятствий в реализации и защите прав и законных интересов // Академический юридический журнал. 2013. № 3 (53).
59. Панченко В. Ю. Юридические препятствия в реализации прав и законных интересов: проблемы теории и практики. М.: Юрлитинформ, 2015. 736 с.
60. Поленина С. В. Качество закона и эффективность законодательства. М., 1993. 56 с.
61. Примак Т. К. Совершенствование законодательства как средство обеспечения законности: по материалам деятельности органов внутренних дел: дис. канд. ... юрид. наук. М., 1998. 162 с.
62. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В. М. Сырых. М.: Эксмо, 2008. 528 с.
63. Пунченко С. И. Социальная эффективность права в современной России (теоретический аспект): авторф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 27 с.
64. Ромашов Р. А. Дисбаланс наказания и поощрения в современном российском уголовно-исполнительном законодательстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 1 (108).
65. Ромашов Р. А. Дисбаланс права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5 (106).
66. Ромашов Р. А. Дисбаланс правовой нормативности и правовой реальности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6 (107).
67. Сацкова А. А. Пробелы и дефекты в правовом регулировании: конституционное измерение // Конституция Российской Федерации: 20 лет спустя: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2014.
68. Сенякин И. Н. Дисбаланс юридической ответственности в законодательстве Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4 (105).
69. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Дефект подписания сделки // Арбитражные споры. 2016. № 2.
70. Сизова В. Н. Проблемы определения категории "законодательство" в различных отраслях права // Вестник Нижегородской правовой академии. 2014. № 3 (3).
71. Соколова М. А. Выявление и устранение дефектов нормативных правовых актов в механизме правотворчества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 27 с.
72. Соколова М. А. Дефекты юридических документов: монография. М.: Юриспруденция, 2016. 160 с.
73. Сулова Н. В. Дефекты в российском праве: постановка проблемы, научные подходы, понятие // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2.
74. Сырых Е. В. Общие критерии качества закона: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
28. Dondokov Zh. D. K voprosu o kachestve zakonov v Rossijskoj Federacii [To the Question on the Quality of Laws in the Russian Federation]. *Sovremennye problemy pravotvorchestva i pravoprimereniya: mater. Vseross. nauch.-praktich. konf.* [Current Issues of Lawmaking and Law Enforcement: Proceedings of All-Russian Scientific-Practical Conference]. Irkutsk, 2018. Pp. 19–23. (In Russ.).
29. Doncova K. B. *Negativnye formy proyavleniya vzaimosvyazi material'nogo i processual'nogo prava* [Negative Forms of Realization of Interaction between Substantive Law and Procedural Law]. *Pravovaya kul'tura – The Legal Culture*. 2018. Issue 2 (33). Pp. 112–119. (In Russ.).
30. Zhil'cov M. A. *Defekty trudovogo prava i sposoby ikh preodoleniya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Defects of Labor Law and Ways to Overcome Them: Dr. jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2011. P. 57. (In Russ.).
31. Zhinkin S. A. *Nekotorye metodologicheskie aspekty issledovaniya effektivnosti norm prava* [Some Methodological Aspects of Studying the Effectiveness of the Rules of Law]. *Yuridicheskij mir – Legal World*. 2007. Issue 4. P. 4. (In Russ.).
32. Zhinkin S. A. *Psikhologicheskie problemy effektivnosti prava* [Psychological Problems of Efficiency of Law]. St. Petersburg, 2009. 373 p. (In Russ.).
33. Zhinkin S. A. *Effektivnost' prava: antropologicheskoe i cennostnoe izmerenie: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Effectiveness of the Law: Anthropological and Axiological Dimension: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Krasnodar, 2009. P. 10–12. (In Russ.).
34. Zajceva E. R., Panchenko V. Yu. *Prichiny vznikeniya normativnykh yuridicheskikh prepyatstvij v realizacii konstitucionnykh prav i svobod lichnosti v Rossijskoj Federacii* [Reasons of Origin of Normative Legal Obstacles to Realization of Human's Constitutional Rights and Freedoms in the Russian Federation]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2014. Issue 12(50). Part 2. Pp. 80–82. (In Russ.).
35. Zajchikov Ya. V. *Ponyatie i obshchaya kharakteristika yuridicheskikh prepyatstvij* [Concept and General Characteristics of Legal Obstacles]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of Vladimir Law Institute*. 2013. Issue 4 (29). Pp. 160–161. (In Russ.).
36. Zuev O. M. *Yuridicheski defektnye normativnye pravovye akty v sisteme istochnikov prava: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legally Defective Regulations in the System of Sources of Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2011. 193 p. (In Russ.).
37. Ignatenko V. V. *Pravovoe kachestvo zakonov ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [Legal Quality of Laws on Administrative Offences]. Irkutsk, 1998. Pp. 20–21. (In Russ.).
38. Ignatenko V. V. *Pravovoe kachestvo zakonov ob administrativnykh pravonarusheniyakh: Teoreticheskie i prikladnye problemy: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal Quality of Laws on Administrative Offences: Theoretical and Applied Issues: Dr. jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 1999. 343 p. (In Russ.).
39. Kazakov A. A. *Disbalans v pravovom regulirovanii processual'nykh immunitetov v sfere ugovnogo sudoproizvodstva* [Imbalance in Legal Regulation of Procedural Immunity in the Sphere of Criminal Proceedings]. *Lex Russica – Lex Russica*. 2016. Issue 4. Pp. 115–123. (In Russ.).
40. Kameneva E. N. *Defektnye akty organov zakonodatel'noj i ispolnitel'noj vlasti: dis. ... kand. yurid. nauk* [Defective Acts of Legislative and Executive Authorities: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2002. 199 p. (In Russ.).
41. Kartukhin V. Yu. *Tekhniko-yuridicheskoe kachestvo zakonov sub"ektov Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Technical and Legal Quality of Laws of the Subjects of the Russian Federation: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2005. 169 p. (In Russ.).
42. Kislichenko E. I. *Defekty zakonodatel'stva sub"ektov Rossijskoj Federacii v sfere mestnogo samoupravleniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Defects of the Legislation of the Subjects of the Russian Federation in the Field of Local Self-Government: Cand. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2012. 253 p. (In Russ.).
43. Klejn N. I. *Vliyanie kachestva zakonov na ikh ispolnenie: problemy i perspektivy ikh razresheniya (interv'yu)* [The Impact of the Quality of Laws on Their Implementation: Problems and Prospects of Their Resolution (Interview)]. *Administrativnoe pravo – Administrative Law*. 2011. Issue 4. Pp. 7–11. (In Russ.).
44. Kozhokar' I. P. *K voprosu o ponyatii i kharakternykh osobennostyakh defektov mekhanizma grazhdansko-pravovogo regulirovaniya veshchnykh otnoshenij* [On the Concept and Characteristic Features of Defects in the Mechanism of Civil Regulation of Proprietary Relations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2013. Issue 4 (29). Pp. 160–161. (In Russ.).

75. *Тальянин В. В.* Качество закона как фактор повышения «социальной престижности» правовой законности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2001. № 1.
76. *Тихомиров Ю. А.* Болевые точки законодательства // Эффективно ли действует закон (обзор выездного заседания ученого совета Института законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ // Журнал российского права. 2018. № 5.
77. *Тихомиров Ю. А.* Юридическое проектирование: критерии и ошибки (выступление на конференции) // Журнал российского права. 2008. № 2.
78. *Тихомиров Ю. А.* Юридическое проектирование: критерии и ошибки // Научно-практические конференции и круглые столы Института законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ (2004-2008). М.: Эксмо, 2009.
79. *Тихомиров Ю. А., Пиголкин А. С., Рахманина Т. Н.* Как готовить законы. М., 1993.
80. *Тихонова С. С.* О качестве современного уголовного закона: юридико-технический аспект новеллизации УК РФ // Вестник Нижегородской академии МВД России. Юридическая наука и практика. 2013. № 22.
81. *Толстик В. А., Миннебаев Р. Х.* Классификация дефектов фактических составов // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17.
82. *Усков О. Ю.* Качество закона обратно пропорционально скорости его принятия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 5.
83. *Хабриева Т. Я.* Экономико-правовой анализ: методологический подход // Журнал российского права. 2010. № 12.
84. *Хайретдинова М. Д.* Типичные дефекты дефиниций современного российского законодательства и основные пути их преодоления // Юристы-Правоведы. 2008. № 1.
85. *Хвалев С. А.* Правовое качество конституций (уставов) субъектов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2011. 226 с.
86. *Хлуденева Н. И.* Дефекты в экологическом праве: понятие и виды // Журнал российского права. 2014. № 11.
87. *Хлуденева Н. И.* Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды: монография. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014.
88. *Худойкина Т. В., Лукьянов А. А.* Качество закона: коррупциогенные факторы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 3 ч. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30), ч. 2.
89. *Цыбуляк С. И.* Дефекты конституционно-правового регулирования избирательных отношений в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2010.
90. *Шугуров М. В.* Баланс и дисбаланс как категории правовой реальности: системно-синергетический подход // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (6). С. 87–98.
91. *Эффективность* действия правовых норм / под ред. А. С. Пашкова, Э. А. Фомина, Л. С. Явича. Л., 1977. 143 с.
92. *Эффективность* правовых норм / Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С., Глазырин В. В. М.: Юрид. лит., 1980. 280 с.
93. *Badescu, M.* Legislative Inflation – an Important Cause of The Dysfunctions Existing in Contemporary Public Administration // Juridical Tribune-Tribuna Juridica. 2018. Vol. 8, Issue 2. Pp. 357–369.
94. *Borghett E.* Delegated Decree Authority in a Parliamentary System: the Exercise of Legislative Delegation in Italy (1987–2013) // Journal of legislative Studies. 2018. Vol. 24, Issue 2. Pp. 179–196.
95. *Butterworth M.* The ICO and Artificial Intelligence: The Role of Fairness in the GDPR framework // Computer Law & Security Review. 2018. Vol. 34, Issue 2. Pp. 257–268.
96. *Campos M.* More rules, less security: the problem of legal security // Any reform Process Vox Juris. 2018. Vol. 35, Issue 1. Pp. 117–125.
97. *Rubin Edward L.* Statutory Design as policy analysis // Harvard Journal on Legislation. 2018. Vol. 55, Issue 1. Pp. 143–183.
98. *Sanjaume N. M.* Linguistic Advice in the Drafting of Laws // A Guarantee of Quality Revista de Llengua i dret-journal of Language and Law. 2017. Issue 68. Pp. 175–185.
99. *Stack K. M.* Overcoming dicey in Administrative Law // University of Toronto Law Journal. 2018. Vol. 68, Issue 2. Pp. 293–311.
100. *Yang W.* Problems and Adjustments of Renewable Energy Legislation in China // Journal of East Asia and International law. 2017. Vol. 10, Issue 2. Pp. 339–355.
- ridical Sciences. 2016. Issue 3. Pp. 298–303. (In Russ.).
45. *Kozlov V. A.* *Voprosy teorii effektivnosti pravovoj normy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Issues of the Theory of the Effectiveness of Legal Norm: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Leningrad, 1972. P. 9. (In Russ.).
46. *Korchagin A. G.* *Pravovaya politika: probely i defekty, kollizii* [Legal Policy: Gaps and Defects, Conflicts]. *Nauchnye trudy SWorld – Scientific Papers SWorld*. 2011. Vol. 27. Issue 4. Pp. 22–28. (In Russ.).
47. *Kudryavcev Yu. V.* *Normy prava kak social'naya informaciya* [The Rules of Law as a Social Information]. Moscow, 1981. 144 p. (In Russ.).
48. *Kutafin O. E.* *Probely, analogiya i defekty v konstitucionnom prave* [Gaps, Analogy and Defects in Constitutional Law]. *Lex Russica – Lex Russica*. 2007. Vol. LXVI. Issue 4. Pp. 610–622. (In Russ.).
49. *Mal'ko A. V.* *Stimuly i ogranicheniya kak sredstva pravovogo vozdejstviya* [Incentives and Restrictions as Means of Legal Influence]. *Teoriya gosudarstva i prava: kurs lekcij / pod red. N. I. Matuzova, A. V. Mal'ko* [Theory of State and Law: Lectures; ed. by. N. I. Matuzov, A. V. Mal'ko]. Moscow, 2 017. 640 p. (In Russ.).
50. *Matejkovich M. S.* *Defekty konstitucionno-pravovogo regulirovaniya v Rossijskoj Federacii* [Defects of Constitutional Law Regulation in the Russian Federation]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2007. Issue 12. Pp. 15–21. (In Russ.).
51. *Murugina V. V.* *Defektnost' yuridicheskikh faktov kak negativnaya cherta pravovoj sistemy: dis. ... kand. yurid. nauk* [Defectiveness of Legal Facts as a Negative Feature of the Legal System: Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2010. (In Russ.).
52. *Mushinskij M. A.* *Problemy diagnostiki pravotvorcheskikh defektov* [Problems of Diagnostics of Law-Making Defects]. Irkutsk, 2009. 115 p. (In Russ.).
53. *Mushinskij M. A.* *Problemy diagnostiki pravotvorcheskikh defektov: nauchn.-praktich. posobie* [Problems of Diagnostics of Law-Making Defects: Theoretical-Practical Guide]. Irkutsk, 2009. Pp. 5–13. (In Russ.).
54. *Naryshkin S. E., Khabrieva T. Ya.* *Administrativnaya reforma v Rossii: nekotorye itogi i zadachi yuridicheskoy nauki* [Administrative Reform in Russia: Some Results and Tasks of Jurisprudence]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. 2006. Issue 11. P. 9. (In Russ.).
55. *Nikitinskij V. I.* *Effektivnost' norm trudovogo prava* [The Effectiveness of Rules of Labor Law]. Moscow, 1971. P. 26. 2 48 p. (In Russ.).
56. *Novoselova L. A., Grin' O. S.* *Effektivnost' pravovoj okhrany ob'ektov intellektual'nykh prav: administrativnye bar'ery* [Efficiency of Legal Protection for Intellectual Property Rights: Administrative Barriers]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2018. Issue 2. Pp. 4–12. (In Russ.).
57. *Nurkaeva T. N.* *O kachestve ugolovno go zakona na primere razdela VII UK RF, predummatrivayushchego otvetstvennost' za prestupleniya protiv lichnosti* [On the Quality of the Criminal Law on the Example of Section VII of the Criminal Code of the Russian Federation Providing for Responsibility for Crimes against the Person]. *Vestnik VEGU – Vestnik VEGU*. 2017. Issue 6 (92). Pp. 59–67. (In Russ.).
58. *Panchenko V. Yu.* *O ponyatii yuridicheskikh prepyatstvij v realizacii i zashchite prav i zakonnykh interesov* [On the Concept of Legal Obstacles to Exercise and Protection of Rights and Legitimate Interests]. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal – Academic Law Journal*. 2013. Issue 3 (53). Pp. 10–18. (In Russ.).
59. *Panchenko V. Yu.* *Yuridicheskie prepyatviya v realizacii prav i zakonnykh interesov: problemy teorii i praktiki* [Legal Obstacles to the Realization of Rights and Legitimate Interests: Issues of Theory and Practice]. Moscow, 2015. 736 p. (In Russ.).
60. *Polenina S. V.* *Kachestvo zakona i effektivnost' zakonodatel'stva* [The Quality of the Law and the Effectiveness of Legislation]. Moscow, 1993. 56 p. (In Russ.).
61. *Primak T. K.* *Sovershenstvovanie zakonodatel'stva kak sredstvo obespecheniya zakonnosti: po materialam deyatel'nosti organov vnutrennikh del: dis. kand. ... yurid. nauk* [Improvement of Legislation as a Mean of Ensuring the Rule of Law: on the Bases of the Internal Affairs Bodies Activities: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1998. P. 149. 162 p. (In Russ.).
62. *Problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnyk / pod red. V. M. Syrykh* [Issues of the Theory of State and Law: Textbook; ed. by V. M. Syrykh]. Moscow, 2008. 528 p. (In Russ.).
63. *Punchenko S. I.* *Social'naya effektivnost' prava v sovremennoj Rossii (teoreticheskij aspekt): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Social Efficiency of Law in Modern Russia (Theoretical Aspect): Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Krasnodar, 2016. 27 p. (In Russ.).

References

1. Agamagomedova S. A. *Administrativnye bar'ery pri prokhozhenii tamozhennogo kontrolya: ponyatie, vidy i sposoby preodoleniya* [Administrative Barriers for Customs Control: Concept, Types and Overcoming Methods]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. 2017. Issue 6. Pp. 79–88. (In Russ.).
2. Amirbekov K. I. *Balans polnomochij prokurora i rukovoditelya sledstvennogo organa: konceptual'nyj podkhod* [Balance of Powers between a Public Prosecutor and a Head of Investigation Agency: a Conceptual Approach]. *Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii – Bulletin of the Academy of the R.F. Prosecutor General's Office*. 2013. Issue 1 (33). Pp. 28–35. (In Russ.).
3. Andreev D. S. *Defektnye administrativno-pravovye akty: dis. ... kand. jurid. nauk* [Defective Administrative and Legal Acts: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2011. 218 p. (In Russ.).
4. Andreev D. S. *Ponyatie defektnogo administrativno-pravovogo akta* [The Notion of a Defective Administrative Act]. *Administrativnoe pravo i process – Administrative Law and Procedure*. 2010. Issue 6. Pp. 12–14. (In Russ.).
5. Andreev D. S. *Procedurnye defekty administrativno-pravovykh aktov* [Procedural Defects of Administrative Acts]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. 2016. Issue 4. Pp. 81–92. (In Russ.).
6. Antopol'skiy A. A. *Pravovye problemy obespecheniya balansa interesov pri regulirovanii otnoshenij po povodu informacii konfidential'nogo kharaktera* [Legal Issues of Balance of Interests in Regards to Confidential Information Relations]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk – Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2016. Issue 3. Pp. 89–103. (In Russ.).
7. Bakhtadze G. E. *Neobkhodimost' nadeleniya storony zaschity pravom naznacheniya sudebnykh ekspertiz* [Necessity of Investment Defense Party with Right to Appoint Any Forensic Expertises]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologiya – Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*. 2014. Issue 11–12 (122). Pp. 87–94. (In Russ.).
8. Belousov V.A. *Defekty slozhnykh fakticheskikh sostavov* [Defects of Complex Sets of Facts]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika – Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2018. Issue 2. Pp. 7–13. (In Russ.).
9. Belousov S.A. *Disbalans rossijskogo zakonodatel'stva i informacionnaya izbytochnost' normativno-pravovogo teksta: sootnoshenie i vzaimosvyaz'* [Imbalances of Russian Legislation and the Informational Redundancy of a Legal Regulatory Text: the Balance and Interrelationship between Them]. *Pravovaya kul'tura – The Legal Culture*. 2015. Issue 4. Pp. 48–57. (In Russ.).
10. Belousov S.A. *Zakonodatel'nyj disbalans: doktrina, teoriya, praktika: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Legislative Imbalance: Doctrine, Theory, Practice: Dr. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2015. Pp. 62–72. (In Russ.).
11. Belousov S.A. *Zakonodatel'nyj disbalans: osnovnye modeli* [Legislative Disbalance: Basic Models]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. 2014. Vol. 156. Issue 4. Pp. 11–16. (In Russ.).
12. Belousov S.A. *Nauchnaya abstrakciya “zakonodatel'nyj disbalans” v ponyatijnykh ryadakh obshchej teorii prava* [Scientific Abstraction “Legislative Imbalance” in the Conceptual Rows of the General Theory of Law]. *Sovremennoe obshchestvo i pravo – Modern Society and Law*. 2015. Issue 4 (21). Pp. 35–40. (In Russ.).
13. Belousov S.A. *Sootnoshenie ponyatij “disbalans” i “defekt” v issledovanii sistemy rossijskogo zakonodatel'stva* [The Relationship between the Concepts of “Imbalance” and “Defect” in the Study of the System of Russian Legislation]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii – Saratov State Law Academy Bulletin*. 2015. Issue 3 (104). (In Russ.).
14. Borcov A.V. *Klassifikaciya yuridicheskikh prepyatstvij* [Classification of Legal Objections]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of Vladimir Law Institute*. 2017. Issue 3 (44). Pp. 157–163. (In Russ.).
15. Borcov A.V., Kandakov A.Yu. *«Yuridicheskie prepyatstviya» v ponyatijno-kategorial'nom apparate pravovoj nauki* [“Legal Obstacles” in the Framework of Categories and Concepts of Jurisprudence]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo – Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 2017. Vol. 27. Issue 4. P. 92. (In Russ.).
64. Romashov R. A. *Disbalans nakazaniya i pooshchreniya v sovremennom rossijskom ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve* [The Imbalance of Punishment and Promotion in the Contemporary Russian Penitentiary Legislation]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii – Saratov State Law Academy Bulletin*. 2016. Issue 1 (108). Pp. 11–19. (In Russ.).
65. Romashov R. A. *Disbalans prava* [The Imbalance of Law]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii – Saratov State Law Academy Bulletin*. 2015. Issue 5 (106). Pp. 91–95. (In Russ.).
66. Romashov R. A. *Disbalans pravovoj normativnosti i pravovoj real'nosti* [The Imbalance of Law Normativity and Law Reality]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii – Saratov State Law Academy Bulletin*. 2015. Issue 6 (107). Pp. 17–23. (In Russ.).
67. Sackova A. A. *Probely i defekty v pravovom regulirovanii: konstitucionnoe izmerenie* [Gaps and Defects in Legal Regulation: Constitutional Dimension]. *Konstituciya Rossijskoj Federacii: 20 let spustya (materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii)* [Constitution of the Russian Federation: 20 Years Later (Proceedings of the International Scientific and Practical Conference)]. Saratov, 2014. P. 66. (In Russ.).
68. Senyakin I.N. *Disbalans yuridicheskoy otvetstvennosti v zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii* [The Imbalance of Legal Liability in the Legislation of the Russian Federation]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii – Saratov State Law Academy Bulletin*. 2015. Issue 4 (105). Pp. 127–138. (In Russ.).
69. Sergeev A.P., Tereshchenko T.A. *Defekt po dipisaniya sdelki* [The Defect of Signing a Deal]. *Arbitrazhnye spory – Arbitration Disputes*. 2016. Issues 2. Pp. 145–151. (In Russ.).
70. Sizova V.N. *Problemy opredeleniya kategorii “zakonodatel'stvo” v razlichnykh otraslyakh prava* [Problems of Definition of the Category “Legislation” in Various Branches of Law]. *Vestnik Nizhegorodskoj pravovoj akademii – Herald of the Nizhny Novgorod Academy of Law*. 2014. Issue 3 (3). Pp. 10–13. (In Russ.).
71. Sokolova M. A. *Vyyavlenie i ustranenie defektov normativnykh pravovykh aktov v mekhanizme pravotvorchestva: avtoref. dis. ... kand. jurid.* [Identification and Elimination of Defects of Normative Legal Acts in the Mechanism of Law-Making: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2018. 27 p. (In Russ.).
72. Sokolova M. A. *Defekty yuridicheskikh dokumentov* [Defects in Legal Documents: Monograph]. Moscow, 2016. 160 p. (In Russ.).
73. Suslova N. V. *Defekty v rossijskom prave: postanovka problemy, nauchnye podkhody, ponyatie* [Defects in the Russian Law: Problem Statement, Scientific Approaches, Concept]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian Legislation*. 2012. Issue 2. Pp. 36–39. (In Russ.).
74. Syrykh E. V. *Obshchie kriterii kachestva zakona: dis... kand. jurid. nauk* [General Quality Criteria of Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2001. P. 10. (In Russ.).
75. Talyanin V. V. *Kachestvo zakona kak faktor povysheniya «social'noj prestizhnosti» pravovoj zakonnosti* [The Quality of Law as a Factor of Increasing the “Social Prestige” of Jural Legality]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Pravo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Law*. 2001. Issue 1. Pp. 209–212. (In Russ.).
76. Luk'yanova V. Yu., Savina M. A. *Effektivno li dejstvuet zakon (obzor vyezdnoho zasedaniya uchenogo soveta Instituta zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri pravitel'stve RF)* [Whether Law is Effective (Review of the Visiting Session of the Academic Council of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation)]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. 2018. Issue 5. P. 168. (In Russ.).
77. Tikhomirov Yu. A. *Yuridicheskoe proektirovanie: kriterii i oshibki (vystuplenie na konferencii)* [Legal Designing: Criteria and Errors (Speech at the Conference)]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. 2008. Issue 2. Pp. 3–9. (In Russ.).
78. Tikhomirov Yu.A. *Yuri dicheskoe proektirovanie: kriterii i oshibki* [Legal Design: Criteria and Mistakes]. *Nauchno-prakticheskie konferencii i kruglye stoly Instituta zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri pravitel'stve RF (2004–2008)* [Scientific and Practical Conferences and Round Tables of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (2004–2008)]. Moscow, 2009. Pp. 455–458. (In Russ.).
79. Tikhomirov Yu.A., Pigolkin A.S., Rakhmanina T.N. *Kak gotovit' zakony* [How to Make Laws]. Moscow, 1993. P. 9. (In Russ.).
80. Tikhonova S.S. *O kachestve sovremennogo ugolovnogo zakona: yuridiko-tekhnikeskij aspekt novellizacii UK RF* [On the Quality of Modern Criminal Law: Legal and Technical

16. Bocharnikova N.A. *Administrativnaya reforma kak bar'er dlya formirovaniya administrativnykh oshibok* [Administrative Reform as a Barrier to the Formation of Administrative Mistakes]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2010. Issue 2 (9). Pp. 132–147. (In Russ.).
17. Brester A.A. *Yuridicheskie prepyatstviya v realizacii prava na reabilitaciyu v rossijskom ugolovnom processe* [Legal Obstacles to the Realization of the Right to Rehabilitation in the Russian Criminal Process]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2015. Issue 9. Pp. 45–52. (In Russ.).
18. Vinogradov T.P. *Algoritm razrabotki zakonoproekta: mezhdru iskusstvom i tekhnologiej* [Algorithm of the Legislative Drafting: between Art and Technology]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2017. Issue 11. Pp. 106–109. (In Russ.).
19. Vlasenko N.A. *Logiko-strukturnye defekty sistemy sovetского prava* [Logical Structural Defects in the System of Soviet Law]. *Pravovedenie – Pravovedenie*. 1991. Issue 3. Pp. 21–26. (In Russ.).
20. Gabbasov R.A. *Kachestvo zakona i voprosy regulirovaniya oborota nedvizhimosti* [The Quality of the Law and the Regulation of Real Estate Turnover]. *Byulleten' notarial'noj praktiki – Bulletin of Notary Practice*. 2005. Issue 3. P. 32–35. (In Russ.).
21. Gadzhiev G.A. *Princip pravovoj opredelenosti i rol' sudov v ego obespechenii. Kachestvo zakonov s rossijskoj tochki zreniya* [Principle of Legal Certainty and its Provision by the Courts. Quality of Laws from Russian Viewpoint]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obzrenie – Comparative Constitutional Review*. 2012. Issue 4. Pp. 16–28. (In Russ.).
22. Gatilova A.S. *Kachestvo zakonov kak ob'ekt prognozirovaniya* [Quality of Laws as a Projectandum]. *Yuridicheskaya nauka – Legal Science*. 2012. Issue 4. P. 6. Pp. 4–7. (In Russ.).
23. Golovina S.Yu. *Defekty Trudovogo kodeksa Rossii i sposoby ikh ustraneniya* [Defects of the Labor Code of Russia and Ways to Eliminate Them]. *Yurist – Jurist*. 2008. Issue 4. Pp. 23–26. (In Russ.).
24. Grachev S. A. *K voprosu o kachestve ugolovno-processual'nogo zakona, reglamentiruyushchego status nekotorykh uchastnikov sudoproizvodstva* [On the Question of the Quality of the Criminal Procedure Code Regulating the Status of Several Participants of the Court Proceedings]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013. Issue 22. Pp. 243–244. (In Russ.).
25. Davydova M. L. *Yavnye i neyavnye oshibki zakonodatelya: problemy klassifikacii i pravovye posledstviya* [Explicit and Implicit Mistakes of Legislator: Problems of Classification and Legal Consequences]. *Pravotvorcheskie oshibki: ponyatie, vidy, praktika i tekhnika ustraneniya v postsovetskikh gosudarstvakh: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. kruglogo stola (29–30 maya 2008 g.)* [Law-Making Mistakes: Concept, Types, Practice and Technique of Elimination in Post-Soviet States: Proceedings of International Scientific-Practical Round Table (May 29–30, 2008)]. Moscow, 2009. Pp. 317–326. (In Russ.).
26. Denisov S. A. *Nejtralizaciya norm material'nogo prava s pomoshch'yu norm processual'nogo prava* [Neutralization of Rules of Substantive Law with the Help of Rules of Procedural Law]. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal – Russian Juridical Journal*. 2003. Issue 2 (38). Pp. 72–75. (In Russ.).
27. Denisov S. A. *Yuridicheskie konstrukcii, ispol'zuemye dlya nejtralizacii norm prava* [Legal Constructions Used to Neutralize the Rules of Law]. *Yuridicheskaya tekhnika – Juridical Techniques*. 2013. Issue 7–2. Pp. 222–229. (In Russ.).
28. Dondokov Zh. D. *K voprosu o kachestve zakonov v Rossijskoj Federacii* [To the Question on the Quality of Laws in the Russian Federation]. *Sovremennye problemy pravotvorchestva i pravoprimeniya: mater. Vseross. nauch.-praktich. konf.* [Current Issues of Law-making and Law Enforcement: Proceedings of All-Russian Scientific-Practical Conference]. Irkutsk, 2018. Pp. 19–23. (In Russ.).
29. Doncova K. B. *Negativnye formy proyavleniya vzaimosvyazi material'nogo i processual'nogo prava* [Negative Forms of Realization of Interaction between Substantive Law and Procedural Law]. *Pravovaya kul'tura – The Legal Culture*. 2018. Issue 2 (33). Pp. 112–119. (In Russ.).
30. Zhil'cov M. A. *Defekty trudovogo prava i sposoby ikh preodoleniya: dis. ... d-ra yurid. Aspect in the Novelization of the Criminal Code of the Russian Federation*. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013. Issue 22. Pp. 171–174. (In Russ.).
81. Tolstik V. A., Minnebaev R. *Kh. Klassifikaciya defektov fakticheskikh sostavov* [Classification of Flaws in Sets of Facts]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012. Issue 17. Pp. 59–65. (In Russ.).
82. Uskov O. Yu. *Kachestvo zakona obratno proporcional'no skorosti ego primeniya* [The Quality of a Law is Inversely Proportional to the Velocity of Its Applying]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2007. Issue 5. Pp. 88–97. (In Russ.).
83. Khabrieva T. Ya. *Ekonomiko-pravovoj analiz: metodologicheskij podkhod* [Economic-Legal Analysis: Methodological Approach]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. 2010. Issue 12. Pp. 5–26. (In Russ.).
84. Khajretdinova M. D. *Tipichnye defekty definicij sovremennogo rossijskogo zakonodatel'stva i osnovnye puti ikh preodoleniya* [Typical Defects of Definitions in Modern Russian Legislation and the Main Ways to Overcome Them]. *“Yurist-Pravoved” – Jurist-Pravoved*. 2008. Issue 1. P. 8. (In Russ.).
85. Khvalev S.A. *Pravovoe kachestvo konstitucij (ustavov) sub"ektov Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal Quality of Constitutions (Statutes) of the Subjects of the Russian Federation: Cand. jurid. sci. diss.]. Irkutsk, 2011. 226 p. (In Russ.).
86. Khludeneva N.I. *Defekty v ekologicheskom prave: ponyatie i vidy* [Defects in Environmental Law: Notion and Types]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. 2014. Issue 11. Pp. 85–95. (In Russ.).
87. Khludeneva N. I. *Defekty pravovogo regulirovaniya okhrany okruzhayushchej sredy: monografiya* [Defects in the Legal Regulation of Environmental Protection: Monograph]. Moscow, 2014. 172 p. (In Russ.).
88. Khudojkina T. V., Luk'yanov A. A. *Kachestvo zakona: korrupciogennyye faktory* [Law Quality: Corruptogenic Factors]. *Istoricheskie, filozofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2013. Issue 4 (30). Part 2. Pp. 193–196. (In Russ.).
89. Cybulyak S. I. *Defekty konstitucionno-pravovogo regulirovaniya izbiratel'nykh otnoshenij v Rossijskoj Federacii: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk* [Defects in the Constitutional and Legal Regulation of Electoral Relations in the Russian Federation: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Tyumen, 2010. Pp. 8–9. (In Russ.).
90. Shugurov M.V. *Balans i disbalans kak kategorii pravovoj real'nosti: sistemno-sinergeticheskij podkhod* [Balance and Imbalance as Categories of Legal Reality: Systematic and Synergetic Approach]. *Rossijskij zhurnal pravovykh issledovanij – Russian Journal of Legal Studies*. 2016. Issue 1 (6). Pp. 87–98. (In Russ.).
91. *Effektivnost' dejstviya pravovykh norm / pod red. A.S. Pashkova, E.A. Fomina, L.S. Yavich* [The Effectiveness of Legal Norms; ed. by A.S. Pashkov, E.A. Fomin, L.S. Yavich]. Leningrad, 1977. 143 p. (In Russ.).
92. *Effektivnost' pravovykh norm / Kudryavtsev V. N., Nikitinskij V. I., Samoschenko I. S., Glazyrin V. V.* [The Effectiveness of Legal Norms; V. N. Kudryavtsev, V. I. Nikitinskiy, I. S. Samoschenko, V. V. Glazyrin]. Moscow, 1980. 280 p. (In Russ.).
93. Badescu M. *Legislative Inflation – an Important Cause of the Dysfunctions Existing in Contemporary Public Administration*. *Juridical Tribune-Tribuna Juridica*. 2018. Vol. 8. Issue 2. Pp. 357–369. (In Eng.).
94. Borghett E. *Delegated Decree Authority in a Parliamentary System: the Exercise of Legislative Delegation in Italy (1987–2013)*. *Journal of Legislative Studies*. 2018. Vol. 24. Issue 2. Pp. 179–196. (In Eng.).
95. Butterworth M. *The ICO and Artificial Intelligence: The Role of Fairness in the GDPR Framework*. *Computer Law & Security Review*. 2018. Vol. 34. Issue 2. Pp. 257–268. (In Eng.).
96. Campos M. *More Rules, Less Security: the Problem of Legal Security. Any Reform Process*. *Vox Juris*. 2018. Vol. 35. Issue 1. Pp. 117–125. (In Eng.).
97. Rubin Edward L. *Statutory Design as Policy Analysis*. *Harvard Journal on Legislation*. 2018. Vol. 55. Issue 1. Pp. 143–183. (In Eng.).
98. Sanjaume N. M. *Linguistic Advice in the Drafting of Laws: a Guarantee of Quality*. *Revista de Llengua i Dret. Journal of Language and Law*. 2017. Issue 68. Pp. 175–185.
99. Stack K. M. *Overcoming Dicey in Administrative Law*. *University of Toronto Law Journal*. 2018. Vol. 68. Issue 2. Pp. 293–311. (In Eng.).
100. Yang W. *Problems and Adjustments of Renewable Energy Legislation in China*. *Journal of East Asia and International Law*. 2017. Vol. 10. Issue 2. Pp. 339–355. (In Eng.).

- nauk* [Defects of Labor Law and Ways to Overcome Them: Dr. jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2011. P. 57. (In Russ.).
31. Zhinkin S. A. *Nekotorye metodologicheskie aspekty issledovaniya effektivnosti norm prava* [Some Methodological Aspects of Studying the Effectiveness of the Rules of Law]. *Yuridicheskij mir – Legal World*. 2007. Issue 4. P. 4. (In Russ.).
  32. Zhinkin S. A. *Psikhologicheskie problemy effektivnosti prava* [Psychological Problems of Efficiency of Law]. St. Petersburg, 2009. 373 p. (In Russ.).
  33. Zhinkin S. A. *Effektivnost' prava: antropologicheskoe i cennostnoe izmerenie: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Effectiveness of the Law: Anthropological and Axiological Dimension: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Krasnodar, 2009. P. 10–12. (In Russ.).
  34. Zajceva E. R., Panchenko V. Yu. *Prichiny vznikeniya normativnykh juridicheskikh prepyatstvij v realizacii konstitucionnykh prav i svobod lichnosti v Rossijskoj Federacii* [Reasons of Origin of Normative Legal Obstacles to Realization of Human's Constitutional Rights and Freedoms in the Russian Federation]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2014. Issue 12(50). Part 2. Pp. 80–82. (In Russ.).
  35. Zajchikov Ya. V. *Ponyatie i obshchaya kharakteristika juridicheskikh prepyatstvij* [Concept and General Characteristics of Legal Obstacles]. *Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta – Bulletin of Vladimir Law Institute*. 2013. Issue 4 (29). Pp. 160–161. (In Russ.).
  36. Zuev O. M. *Yuridicheski defektnye normativnye pravovye akty v sisteme istochnikov prava: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legally Defective Regulations in the System of Sources of Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2011. 193 p. (In Russ.).
  37. Ignatenko V. V. *Pravovoe kachestvo zakonov ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [Legal Quality of Laws on Administrative Offences]. Irkutsk, 1998. Pp. 20–21. (In Russ.).
  38. Ignatenko V. V. *Pravovoe kachestvo zakonov ob administrativnykh pravonarusheniyakh: Teoreticheskie i prikladnye problemy: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Legal Quality of Laws on Administrative Offences: Theoretical and Applied Issues: Dr. jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 1999. 343 p. (In Russ.).
  39. Kazakov A. A. *Disbalans v pravovom regulirovanii processual'nykh immunitetov v sfere ugolovno sudoproizvodstva* [Imbalance in Legal Regulation of Procedural Immunity in the Sphere of Criminal Proceedings]. *Lex Russica – Lex Russica*. 2016. Issue 4. Pp. 115–123. (In Russ.).
  40. Kameneva E. N. *Defektnye akty organov zakonodatel'noj i ispolnitel'noj vlasti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Defective Acts of Legislative and Executive Authorities: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2002. 199 p. (In Russ.).
  41. Kartukhin V. Yu. *Tekhniko-juridicheskoe kachestvo zakonov sub"ektov Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk* [Technical and Legal Quality of Laws of the Subjects of the Russian Federation: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2005. 169 p. (In Russ.).
  42. Kislichenko E. I. *Defekty zakonodatel'stva sub"ektov Rossijskoj Federacii v sfere mestnogo samoupravleniya: dis. ... kand. jurid. nauk* [Defects of the Legislation of the Subjects of the Russian Federation in the Field of Local Self-Government: Cand. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2012. 253 p. (In Russ.).
  43. Klejn N. I. *Vliyanie kachestva zakonov na ikh ispolnenie: problemy i perspektivy ikh razresheniya (interv'yuu)* [The Impact of the Quality of Laws on Their Implementation: Problems and Prospects of Their Resolution (Interview)]. *Administrativnoe pravo – Administrative Law*. 2011. Issue 4. Pp. 7–11. (In Russ.).
  44. Kozhokar' I. P. *K voprosu o ponyatii i kharakternykh osobennostyakh defektov mekhanizma grazhdansko-pravovogo regulirovaniya veshchnykh otnoshenij* [On the Concept and Characteristic Features of Defects in the Mechanism of Civil Regulation of Proprietary Relations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2016. Issue 3. Pp. 298–303. (In Russ.).
  45. Kozlov V. A. *Voprosy teorii effektivnosti pravovoj normy: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Issues of the Theory of the Effectiveness of Legal Norm: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Leningrad, 1972. P. 9. (In Russ.).
  46. Korchagin A. G. *Pravovaya politika: probely i defekty, kollizii* [Legal Policy: Gaps and Defects, Conflicts]. *Nauchnye trudy SWorld – Scientific Papers SWorld*. 2011. Vol. 27. Issue 4. Pp. 22–28. (In Russ.).

References in Russian

1. Агамагомедова С. А. Административные барьеры при прохождении таможенного контроля: понятие, виды и способы преодоления // Журнал российского права. 2017. № 6.
2. Амирбеков К. И. Баланс полномочий прокурора и руководителя следственного органа: концептуальный подход // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 1 (33).
3. Андреев Д. С. Дефектные административно-правовые акты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 7.
4. Андреев Д. С. Понятие дефектного административно-правового акта // Административное право и процесс. 2010. № 6.
5. Андреев Д. С. Процедурные дефекты административно-правовых актов // Журнал российского права. 2016. № 4.
6. Антопольский А. А. Правовые проблемы обеспечения баланса интересов при регулировании отношений по поводу информации конфиденциального характера // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 3.
7. Бахтадзе Г. Э. Необходимость наделения стороны защиты правом назначения судебных экспертиз // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2014. № 11–12 (122).
8. Белоусов В. А. Дефекты сложных фактических составов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 2.
9. Белоусов С. А. Дисбаланс российского законодательства и информационная избыточность нормативно-правового текста: соотношение и взаимосвязь // Правовая культура. 2015. № 4.
10. Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс: доктрина, теория, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015.
11. Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс: основные модели // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, № 4.
12. Белоусов С. А. Научная абстракция «законодательный дисбаланс» в понятийных рядах общей теории права // Современное общество и право. 2015. № 4 (21).
13. Белоусов С. А. Соотношение понятий «дисбаланс» и «дефект» в исследовании системы российского законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3 (104).
14. Борцов А. В. Классификация юридических препятствий // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 3 (44).
15. Борцов А. В., Кандаков А. Ю. «Юридические препятствия» в понятийно-категориальном аппарате правовой науки // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2017. Т. 27, № 4.
16. Бочарникова Н. А. Административная реформа как барьер для формирования административных ошибок // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2010. № 2 (9).
17. Брестер А. А. Юридические препятствия в реализации права на реабилитацию в российском уголовном процессе // Государство и право. 2015. № 9.
18. Виноградов Т. П. Алгоритм разработки законопроекта: между искусством и технологией // Государство и право. 2017. № 11.
19. Власенко Н. А. Логико-структурные дефекты системы советского права // Правоведение. 1991. № 3.
20. Габбасов Р. А. Качество закона и вопросы регулирования оборота недвижимости // Бюллетень нотариальной практики. 2005. № 3. С. 22.
21. Гаджиев Г. А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4.
22. Гатилова А. С. Качество законов как объект прогнозирования // Юридическая наука. 2012. № 4. С. 4–7.
23. Головина С. Ю. Дефекты Трудового кодекса России и способы их устранения // Юрист. 2008. № 4. С. 23–26.
24. Грачев С. А. К вопросу о качестве уголовно-процессуального закона, регламентирующего статус некоторых участников судопроизводства // Вестник Нижегородской академии МВД России. Юридическая наука и практика. 2013. № 22.
25. Давыдова М. Л. Явные и неявные ошибки законодателя: проблемы классификации и правовые последствия // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах: материалы междунар. науч.-практ. круглого стола (29–30 мая 2008 г.). М.: Проспект, 2009.
26. Денисов С. А. Нейтрализация норм материального права с помощью норм процессуального права // Российский юридический журнал. 2003. № 2 (38).

47. Kudryavcev Yu. V. *Normy prava kak social'naya informaciya* [The Rules of Law as a Social Information]. Moscow, 1981. 144 p. (In Russ.).
48. Kutafin O. E. *Probely, analogiya i defekty v konstitucionnom prave* [Gaps, Analogy and Defects in Constitutional Law]. *Lex Russica – Lex Russica*. 2007. Vol. LXVI. Issue 4. Pp. 610–622. (In Russ.).
49. Mal'ko A. V. *Stimuly i ogranicheniya kak sredstva pravovogo vozdeystviya* [Incentives and Restrictions as Means of Legal Influence]. *Teoriya gosudarstva i prava: kurs lekcij / pod red. N. I. Matuzova, A. V. Mal'ko* [Theory of State and Law: Lectures; ed. by N. I. Matuzov, A. V. Mal'ko]. Moscow, 2017. 640 p. (In Russ.).
50. Matejkovich M. S. *Defekty konstitucionno-pravovogo regulirovaniya v Rossijskoj Federacii* [Defects of Constitutional Law Regulation in the Russian Federation]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2007. Issue 12. Pp. 15–21. (In Russ.).
51. Murugina V. V. *Defektnost' yuridicheskikh faktov kak negativnaya cherta pravovoj sistemy: dis. ... kand. jurid. nauk* [Defectiveness of Legal Facts as a Negative Feature of the Legal System: Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2010. (In Russ.).
52. Mushinskij M. A. *Problemy diagnostiki pravotvorcheskikh defektov* [Problems of Diagnostics of Law-Making Defects]. Irkutsk, 2009. 115 p. (In Russ.).
53. Mushinskij M. A. *Problemy diagnostiki pravotvorcheskikh defektov: nauchn.-praktich. posobie* [Problems of Diagnostics of Law-Making Defects: Theoretical-Practical Guide]. Irkutsk, 2009. Pp. 5–13. (In Russ.).
54. Naryshkin S. E., Khabrieva T. Ya. *Administrativnaya reforma v Rossii: nekotorye itogi i zadachi yuridicheskoy nauki* [Administrative Reform in Russia: Some Results and Tasks of Jurisprudence]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. 2006. Issue 11. P. 9. (In Russ.).
55. Nikitinskij V. I. *Effektivnost' norm trudovogo prava* [The Effectiveness of Rules of Labor Law]. Moscow, 1971. P. 26. 248 p. (In Russ.).
56. Novoselova L. A., Grin' O. S. *Effektivnost' pravovoj okhrany ob'ektov intellektual'nykh prav: administrativnye bar'ery* [Efficiency of Legal Protection for Intellectual Property Rights: Administrative Barriers]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2018. Issue 2. Pp. 4–12. (In Russ.).
57. Nurkaeva T. N. *O kachestve ugolovnogo zakona na primere razdela VII UK RF, predumatrivayushchego otvetstvennost' za prestupleniya protiv lichnosti* [On the Quality of the Criminal Law on the Example of Section VII of the Criminal Code of the Russian Federation Providing for Responsibility for Crimes against the Person]. *Vestnik VEGU – Vestnik VEGU*. 2017. Issue 6 (92). Pp. 59–67. (In Russ.).
58. Panchenko V. Yu. *O ponyatii yuridicheskikh prepyatstvij v realizacii i zashchite prav i zakonnykh interesov* [On the Concept of Legal Obstacles to Exercise and Protection of Rights and Legitimate Interests]. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal – Academic Law Journal*. 2013. Issue 3 (53). Pp. 10–18. (In Russ.).
59. Panchenko V. Yu. *Yuridicheskie problemy teorii i praktiki realizacii prav i zakonnykh interesov: problemy teorii i praktiki* [Legal Obstacles to the Realization of Rights and Legitimate Interests: Issues of Theory and Practice]. Moscow, 2015. 736 p. (In Russ.).
60. Polenina S. V. *Kachestvo zakona i effektivnost' zakonodatel'stva* [The Quality of the Law and the Effectiveness of Legislation]. Moscow, 1993. 56 p. (In Russ.).
61. Primak T. K. *Sovershenstvovanie zakonodatel'stva kak sredstvo obespecheniya zakonnosti: po materialam deyatel'nosti organov vnutrennikh del: dis. kand. ... jurid. nauk* [Improvement of Legislation as a Mean of Ensuring the Rule of Law: on the Bases of the Internal Affairs Bodies Activities: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1998. P. 149. 162 p. (In Russ.).
62. *Problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnik / pod red. V. M. Syrykh* [Issues of the Theory of State and Law: Textbook; ed. by V. M. Syrykh]. Moscow, 2008. 528 p. (In Russ.).
63. Punchenko S. I. *Social'naya effektivnost' prava v sovremennoj Rossii (teoreticheskij aspekt): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Social Efficiency of Law in Modern Russia (Theoretical Aspect): Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Krasnodar, 2016. 27 p. (In Russ.).
64. Romashov R. A. *Disbalans nakazaniya i pooshchreniya v sovremennom rossijskom ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve* [The Imbalance of Punishment and Promotion in the Contemporary Russian Penitentiary Legislation]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii – Saratov State Law Academy Bulletin*. 2016. Issue 1 (108). Pp. 11–19. (In Russ.).
27. Денисов С. А. Юридические конструкции, используемые для нейтрализации норм права // *Юридическая техника*. 2013. № 7–2.
28. Дондоков Ж. Д. К вопросу о качестве законов в Российской Федерации // *Современные проблемы правотворчества и правоприменения: материалы Всерос. науч.-практ. конф.* Иркутск, 2018.
29. Донцова К. Б. Негативные формы проявления взаимосвязи материального и процессуального права // *Правовая культура*. 2018. № 2 (33).
30. Жильцов М. А. Дефекты трудового права и способы их преодоления: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011.
31. Жинкин С. А. Некоторые методологические аспекты исследования эффективности норм права // *Юридический мир*. 2007. № 4. С. 4.
32. Жинкин С. А. Психологические проблемы эффективности права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2009. 373 с.
33. Жинкин С. А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009.
34. Зайцева Е. Р., Панченко В. Ю. Причины возникновения нормативных юридических препятствий в реализации конституционных прав и свобод личности в российской федерации // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 12–2 (50).
35. Зайчиков Я. В. Понятие и общая характеристика юридических препятствий // *Вестник Владимирского юридического института*. 2013. № 4 (29).
36. Зуев О. М. Юридически дефектные нормативные правовые акты в системе источников права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 6. 193 с.
37. Игнатенко В. В. Правовое качество законов об административных правонарушениях. Иркутск, 1998.
38. Игнатенко В. В. Правовое качество законов об административных правонарушениях: Теоретические и прикладные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 343 с.
39. Казаков А. А. Дисбаланс в правовом регулировании процессуальных иммунитетов в сфере уголовного судопроизводства // *Lex russica*. 2016. № 4.
40. Каменева Е. Н. Дефектные акты органов законодательной и исполнительной власти: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 199 с.
41. Картухин В. Ю. Технико-юридическое качество законов субъектов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 169 с.
42. Кисличенко Е. И. Дефекты законодательства субъектов Российской Федерации в сфере местного самоуправления: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. 253 с.
43. Клейн Н. И. Влияние качества законов на их исполнение: проблемы и перспективы их разрешения (интервью) // *Административное право*. 2011. № 4. С. 7–14.
44. Кожокаръ И. П. К вопросу о понятии и характерных особенностях дефектов механизма гражданско-правового регулирования вещных отношений // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2016. Вып. 33. С. 298–303. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-298-303.
45. Козлов В. А. Вопросы теории эффективности правовой нормы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1972. С. 9.
46. Корчагин А. Г. Правовая политика: пробелы и дефекты, коллизии // *Сб. науч. тр.* 2011. Т. 27, № 4.
47. Кудрявцев Ю. В. *Нормы права как социальная информация*. М., 1981. 144 с.
48. Кутафин О. Е. Пробелы, аналогия и дефекты в конституционном праве // *LexRussica*. 2007. Т. LXVI, № 4.
49. Малько А. В. Стимулы и ограничения как средства правового воздействия // *Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько*. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 640 с.
50. Матейкович М. С. Дефекты конституционно-правового регулирования в Российской Федерации // *Государство и право*. 2007. № 12.
51. Муругина В. В. Дефектность юридических фактов как негативная черта правовой системы: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010.
52. Мушинский М. А. Проблемы диагностики правотворческих дефектов / Ин-т законодательства и правовой информации им. М. М. Сперанского; Фонд «Право и демократия». Иркутск, 2009.
53. Мушинский М. А. Проблемы диагностики правотворческих дефектов: науч.-практ. пособие. Иркутск, 2009.
54. Нарышкин С. Е., Хабриева Т. Я. *Административная реформа в России: некоторые итоги и задачи юридической науки* // *Журнал российского права*. 2006. № 11.

65. Romashov R. A. *Disbalans prava* [The Imbalance of Law]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii* – Saratov State Law Academy Bulletin. 2015. Issue 5 (106). Pp. 91–95. (In Russ.).
66. Romashov R. A. *Disbalans pravovoj normativnosti i pravovoj real'nosti* [The Imbalance of Law Normativity and Law Reality]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii* – Saratov State Law Academy Bulletin. 2015. Issue 6 (107). Pp. 17–23. (In Russ.).
67. Sackova A. A. *Probely i defekty v pravovom regulirovanii: konstitucionnoe izmerenie* [Gaps and Defects in Legal Regulation: Constitutional Dimension]. *Konstituciya Rossijskoj Federacii: 20 let spustya (materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii)* [Constitution of the Russian Federation: 20 Years Later (Proceedings of the International Scientific and Practical Conference)]. Saratov, 2014. P. 66. (In Russ.).
68. Senyakin I.N. *Disbalans yuridicheskoy otvetstvennosti v zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii* [The Imbalance of Legal Liability in the Legislation of the Russian Federation]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii* – Saratov State Law Academy Bulletin. 2015. Issue 4 (105). Pp. 127–138. (In Russ.).
69. Sergeev A.P., Tereshchenko T.A. *Defekt po d-pisaniya sdelki* [The Defect of Signing a Deal]. *Arbitrazhnye spory* – Arbitration Disputes. 2016. Issues 2. Pp. 145–151. (In Russ.).
70. Sizova V.N. *Problemy opredeleniya kategorii "zakonodatel'stvo" v razlichnykh otraslyakh prava* [Problems of Definition of the Category "Legislation" in Various Branches of Law]. *Vestnik Nizhegorodskoj pravovoj akademii* – Herald of the Nizhny Novgorod Academy of Law. 2014. Issue 3 (3). Pp. 10–13. (In Russ.).
71. Sokolova M. A. *Vyyavlenie i ustranenie defektov normativnykh pravovykh aktov v mekhanizme pravotvorchestva: avtoref. dis. ... kand. jurid.* [Identification and Elimination of Defects of Normative Legal Acts in the Mechanism of Law-Making: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2018. 27 p. (In Russ.).
72. Sokolova M. A. *Defekty yuridicheskikh dokumentov* [Defects in Legal Documents: Monograph]. Moscow, 2016. 160 p. (In Russ.).
73. Suslova N. V. *Defekty v rossijskom prave: postanovka problemy, nauchnye podkhody, ponyatie* [Defects in the Russian Law: Problem Statement, Scientific Approaches, Concept]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve* – Gaps in Russian Legislation. 2012. Issue 2. Pp. 36–39. (In Russ.).
74. Syrykh E. V. *Obshchie kriterii kachestva zakona: dis... kand. jurid. nauk* [General Quality Criteria of Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2001. P. 10. (In Russ.).
75. Talyanin V. V. *Kachestvo zakona kak faktor povysheniya «social'noj prestizhnosti» pravovoj zakonnosti* [The Quality of Law as a Factor of Increasing the "Social Prestige" of Jural Legality]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Pravo* – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Law. 2001. Issue 1. Pp. 209–212. (In Russ.).
76. Luk'yanova V. Yu., Savina M. A. *Effektivno li dejstvuet zakon (obzor vyezdno go zasedaniya uchenogo soveta Instituta zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri pravitel'stve RF)* [Whether Law is Effective (Review of the Visiting Session of the Academic Council of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation)]. *Zhurnal rossijskogo prava* – Journal of Russian Law. 2018. Issue 5. P. 168. (In Russ.).
77. Tikhomirov Yu. A. *Yuridicheskoe proektirovanie: kriterii i oshibki (vystuplenie na konferencii)* [Legal Designing: Criteria and Errors (Speech at the Conference)]. *Zhurnal rossijskogo prava* – Journal of Russian Law. 2008. Issue 2. Pp. 3–9. (In Russ.).
78. Tikhomirov Yu.A. *Yuridicheskoe proektirovanie: kriterii i oshibki* [Legal Design: Criteria and Mistakes]. *Nauchno-prakticheskie konferencii i kruglye stoly Instituta zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri pravitel'stve RF (2004–2008)* [Scientific and Practical Conferences and Round Tables of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (2004–2008)]. Moscow, 2009. Pp. 455–458. (In Russ.).
79. Tikhomirov Yu.A., Pigolkin A.S., Rakhmanina T.N. *Kak gotovit' zakony* [How to Make Laws]. Moscow, 1993. P. 9. (In Russ.).
80. Tikhonova S.S. *O kachestve sovremennogo ugovnogo zakona: yuridiko-tekhnikeskij aspekt novellizacii UK RF* [On the Quality of Modern Criminal Law: Legal and Technical Aspect in the Novelization of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii* – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of
55. *Никитинский В. И.* Эффективность норм трудового права. М.: Юрид. лит., 1971. 248 с.
56. Новоселова Л. А., Гринь О. С. Эффективность правовой охраны объектов интеллектуальных прав: административные барьеры // Журнал Высшей школы экон омики. 2018. № 2.
57. Нуркаева Т. Н. О качестве уголовного закона на примере раздела VII УК РФ, предусматривающего ответственность за преступления против личности // Вестник ВЭГУ. 2017. № 6 (92).
58. Панченко В. Ю. О понятии юридических препятствий в реализации и защите прав и законных интересов // Академический юридический журнал. 2013. № 3 (53).
59. Панченко В. Ю. Юридические препятствия в реализации прав и законных интересов: проблемы теории и практики. М.: Юрлитинформ, 2015. 736 с.
60. Поленина С. В. Качество закона и эффективность законодательства. М., 1993. 56 с.
61. Примаков Т. К. Совершенствование законодательства как средство обеспечения законности: по материалам деятельности органов внутренних дел: дис. канд. ... юрид. наук. М., 1998. 162 с.
62. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В. М. Сырых. М.: Эксмо, 2008. 528 с.
63. Пунченко С. И. Социальная эффективность права в современной России (теоретический аспект): авторф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 27 с.
64. Ромашов Р. А. Дисбаланс наказания и поощрения в современном российском уголовно-исполнительном законодательстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 1 (108).
65. Ромашов Р. А. Дисбаланс права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5 (106).
66. Ромашов Р. А. Дисбаланс правовой нормативности и правовой реальности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6 (107).
67. Сацкова А. А. Пробелы и дефекты в правовом регулировании: конституционное измерение // Конституция Российской Федерации: 20 лет спустя: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2014.
68. Сенякин И. Н. Дисбаланс юридической ответственности в законодательстве Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4 (105).
69. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Дефект подписания сделки // Арбитражные споры. 2016. № 2.
70. Сизова В. Н. Проблемы определения категории "законодательство" в различных отраслях права // Вестник Нижегородской правовой академии. 2014. № 3 (3).
71. Соколова М. А. Выявление и устранение дефектов нормативных правовых актов в механизме правотворчества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 27 с.
72. Соколова М. А. Дефекты юридических документов: монография. М.: Юриспруденция, 2016. 160 с.
73. Суслова Н. В. Дефекты в российском праве: постановка проблемы, научные подходы, понятие // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2.
74. Сырых Е. В. Общие критерии качества закона: дис... канд. юрид. наук. М., 2001.
75. Тальянин В. В. Качество закона как фактор повышения «социальной престижности» правовой законности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2001. № 1.
76. Тихомиров Ю. А. Болевые точки законодательства // Эффективно ли действует закон (обзор выездного заседания ученого совета Института законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ // Журнал российского права. 2018. № 5.
77. Тихомиров Ю. А. Юридическое проектирование: критерии и ошибки (выступление на конференции) // Журнал российского права. 2008. № 2.
78. Тихомиров Ю. А. Юридическое проектирование: критерии и ошибки // Научно-практические конференции и круглые столы Института законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ (2004-2008). М.: Эксмо, 2009.
79. Тихомиров Ю. А., Пиголкин А. С., Рахманина Т. Н. Как готовить законы. М., 1993.
80. Тихонова С. С. О качестве современного уголовного закона: юридико-технический аспект новеллизации УК РФ // Вестник Нижегородской академии МВД России. Юридическая наука и практика. 2013. № 22.
81. Толстик В. А., Миннебаев Р. Х. Классификация дефектов фактических составов // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17.

- the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. Issue 22. Pp. 171–174. (In Russ.).
81. Tolstik V. A., Minnebaev R. Kh. *Klassifikaciya defektov fakticheskikh sostavov* [Classification of Flaws in Sets of Facts]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012. Issue 17. Pp. 59–65. (In Russ.).
  82. Uskov O. Yu. *Kachestvo zakona obratno proporcional'no skorosti ego prinyatiya* [The Quality of a Law is Inversely Proportional to the Velocity of Its Applying]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2007. Issue 5. Pp. 88–97. (In Russ.).
  83. Khabrieva T. Ya. *Ekonomiko-pravovoj analiz: metodologicheskij podkhod* [Economic-Legal Analysis: Methodological Approach]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. 2010. Issue 12. Pp. 5–26. (In Russ.).
  84. Khajretdinova M. D. *Tipichnye defekty definicij sovremennogo rossijskogo zakonodatel'stva i osnovnye puti ikh preodoleniya* [Typical Defects of Definitions in Modern Russian Legislation and the Main Ways to Overcome Them]. *“Yurist-Pravoved” – Jurist-Pravoved*. 2008. Issue 1. P. 8. (In Russ.).
  85. Khvalev S.A. *Pravovoe kachestvo konstitucij (ustavov) sub"ektov Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal Quality of Constitutions (Statutes) of the Subjects of the Russian Federation: Cand. jurid. sci. diss.]. Irkutsk, 2011. 226 p. (In Russ.).
  86. Khludeneva N.I. *Defekty v ekologicheskom prave: ponyatie i vidy* [Defects in Environmental Law: Notion and Types]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. 2014. Issue 11. Pp. 85–95. (In Russ.).
  87. Khludeneva N. I. *Defekty pravovogo regulirovaniya okhrany okruzhayushchej sredy: monografiya* [Defects in the Legal Regulation of Environmental Protection: Monograph]. Moscow, 2014. 172 p. (In Russ.).
  88. Khudojkina T. V., Luk'yanov A. A. *Kachestvo zakona: korrupciogennye factory* [Law Quality: Corruptogenic Factors]. *Istoricheskie, filozofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2013. Issue 4 (30). Part 2. Pp. 193–196. (In Russ.).
  89. Cybulyak S.I. *Defekty konstitucionno-pravovogo regulirovaniya izbiratel'nykh otnoshenij v Rossijskoj Federacii: avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk* [Defects in the Constitutional and Legal Regulation of Electoral Relations in the Russian Federation: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Tyumen, 2010. Pp. 8–9. (In Russ.).
  90. Shugurov M.V. *Balans i disbalans kak kategorii pravovoj real'nosti: sistemno-sinergeticheskij podkhod* [Balance and Imbalance as Categories of Legal Reality: Systematic and Synergetic Approach]. *Rossijskij zhurnal pravovykh issledovanij – Russian Journal of Legal Studies*. 2016. Issue 1 (6). Pp. 87–98. (In Russ.).
  91. *Effektivnost' dejstviya pravovykh norm / pod red. A.S. Pashkova, E.A. Fomina, L.S. Yavicha* [The Effectiveness of Legal Norms; ed. by A.S. Pashkov, E.A. Fomin, L.S. Yavich]. Leningrad, 1977. 143 p. (In Russ.).
  92. *Effektivnost' pravovykh norm / Kudryavcev V. N., Nikitinskij V. I., Samoschenko I. S., Glazyrin V. V.* [The Effectiveness of Legal Norms; V. N. Kudryavtsev, V. I. Nikitinskiy, I. S. Samoschenko, V. V. Glazyrin]. Moscow, 1980. 280 p. (In Russ.).
  93. Badescu M. *Legislative Inflation – an Important Cause of the Dysfunctions Existing in Contemporary Public Administration*. *Juridical Tribune-Tribuna Juridica*. 2018. Vol. 8. Issue 2. Pp. 357–369. (In Eng.).
  94. Borghett E. *Delegated Decree Authority in a Parliamentary System: the Exercise of Legislative Delegation in Italy (1987–2013)*. *Journal of Legislative Studies*. 2018. Vol. 24. Issue 2. Pp. 179–196. (In Eng.).
  95. Butterworth M. *The ICO and Artificial Intelligence: The Role of Fairness in the GDPR Framework*. *Computer Law & Security Review*. 2018. Vol. 34. Issue 2. Pp. 257–268. (In Eng.).
  96. Campos M. *More Rules, Less Security: the Problem of Legal Security*. *Any Reform Process Vox Juris*. 2018. Vol. 35. Issue 1. Pp. 117–125. (In Eng.).
  97. Rubin Edward L. *Statutory Design as Policy Analysis*. *Harvard Journal on Legislation*. 2018. Vol. 55. Issue 1. Pp. 143–183. (In Eng.).
  98. Sanjaume N. M. *Linguistic Advice in the Drafting of Laws: a Guarantee of Quality*. *Revista de Llengua i Dret. Journal of Language and Law*. 2017. Issue 68. Pp. 175–185.
  99. Stack K. M. *Overcoming Dicey in Administrative Law*. *University of Toronto Law Journal*. 2018. Vol. 68. Issue 2. Pp. 293–311. (In Eng.).
  100. Yang W. *Problems and Adjustments of Renewable Energy Legislation in China*. *Journal of East Asia and International Law*. 2017. Vol. 10. Issue 2. Pp. 339–355. (In Eng.).
  82. Uskov O. Yu. *Kachestvo zakona obratno proporcional'no skorosti ego prinyatiya* // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2007. № 5.
  83. Khabrieva T. Ya. *Ekonomiko-pravovoj analiz: metodologicheskij podkhod* // *Jurnal rossijskogo prava*. 2010. № 12.
  84. Khajretdinova M. D. *Tipichnye defekty definicij sovremennogo rossijskogo zakonodatel'stva i osnovnye puti ikh preodoleniya* // *Jurist-Pravoved*. 2008. № 1.
  85. Khvalev S. A. *Pravovoe kachestvo konstitucij (ustavov) sub"ektov Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk*. Irkutsk, 2011. 226 s.
  86. Khludeneva N. I. *Defekty v ekologicheskom prave: ponyatie i vidy* // *Jurnal rossijskogo prava*. 2014. № 11.
  87. Khludeneva N. I. *Defekty pravovogo regulirovaniya okhrany okruzhayushchej sredy: monografiya*. M.: IZiSP, INFRA-M, 2014.
  88. Khudojkina T. V., Luk'yanov A. A. *Kachestvo zakona: korrupciogennye factory* // *Istoricheskie, filozofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki: v 3 ch.* Tambov: Gramota, 2013. № 4 (30), ch. 2.
  89. Cybulyak S. I. *Defekty konstitucionno-pravovogo regulirovaniya izbiratel'nykh otnoshenij v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk*. Tyumen', 2010.
  90. Shugurov M. V. *Balans i disbalans kak kategorii pravovoj real'nosti: sistemno-sinergeticheskij podkhod* // *Rossijskij zhurnal pravovykh issledovanij*. 2016. № 1 (6). С. 87–98.
  91. *Эффективность действия правовых норм / под ред. А. С. Пашкова, Э. А. Фомина, Л. С. Явича*. Л., 1977. 143 с.
  92. *Эффективность правовых норм / Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С., Глазырин В. В. М.*: Юрид. лит., 1980. 280 с.
  93. Badescu, M. *Legislative Inflation – an Important Cause of The Dysfunctions Existing in Contemporary Public Administration* // *Juridical Tribune-Tribuna Juridica*. 2018. Vol. 8, Issue 2. Pp. 357–369.
  94. Borghett E. *Delegated Decree Authority in a Parliamentary System: the Exercise of Legislative Delegation in Italy (1987–2013)* // *Journal of legislative Studies*. 2018. Vol. 24, Issue 2. Pp. 179–196.
  95. Butterworth M. *The ICO and Artificial Intelligence: The Role of Fairness in the GDPR framework* // *Computer Law & Security Review*. 2018. Vol. 34, Issue 2. Pp. 257–268.
  96. Campos M. *More rules, less security: the problem of legal security* // *Any reform Process Vox Juris*. 2018. Vol. 35, Issue 1. Pp. 117–125.
  97. Rubin Edward L. *Statutory Design as policy analysis* // *Harvard Journal on Legislation*. 2018. Vol. 55, Issue 1. Pp. 143–183.
  98. Sanjaume N. M. *Linguistic Advice in the Drafting of Laws* // *A Guarantee of Quality Revista de Llengua i dret-journal of Language and Law*. 2017. Issue 68. Pp. 175–185.
  99. Stack K. M. *Overcoming dicey in Administrative Law* // *University of Toronto Law Journal*. 2018. Vol. 68, Issue 2. Pp. 293–311.
  100. Yang W. *Problems and Adjustments of Renewable Energy Legislation in China* // *Journal of East Asia and International law*. 2017. Vol. 10, Issue 2. Pp. 339–355.